

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ВДНХ

Владислав Выставной

Кремль 2222

Владислав Выставной

Кремль 2222. ВДНХ

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Выставной В. В.

Кремль 2222. ВДНХ / В. В. Выставной — «АСТ»,
2017 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-102147-4

Он выжил. Он вернулся домой. Но ему нет покоя. Книжник считает, что бросил в бою друга – Зигфрида. Никто не знает, жив ли Зигфрид, оставшийся по ту сторону портала Розы Миров. И теперь Книжник должен спасти друга – любой ценой. Пройти в одиночку тысячи километров сквозь радиоактивные земли, Поля Смерти и полчища мутантов не дано никому. Если и может ему кто помочь, то лишь тот, кто владеет тайными знаниями и нечеловеческой мощью. Бука. Книжник отправляется на поиски этого окутанного тайной человека. Оправдаются ли его надежды? Да и есть ли смысл ставить на кон жизнь – вдруг спасти уже некого? Для Книжника отвели лишь один. Драться до конца!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102147-4

© Выставной В. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Беспокойство	11
Глава вторая. В осаде	22
Глава третья. Слепая удача	30
Глава четвертая. Врата	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

КРЕМЛЬ 2222

Владислав Выставной
Кремль 2222. ВДНХ

© В. Выставной, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

В небо гнилым зубом торчал кусок обрушившейся стены – изрешеченный снарядами и покрытый толстым слоем лишайников. Строили на совесть, будто знали, что каждый дом в этом городе однажды превратится в крепость. А, может, это кровь погибших делает стены крепче. Здесь все пропитано кровью предков – значит, город будет стоять вечно, пока сама планета не рассыплется в прах.

Взгляд сам собой поднялся в мутное небо. Говорят, где-то там, в ледяном холоде космоса, вокруг агонизирующей Земли все еще кружат запущенные предками спутники. Одни давно впали в забвение, другие продолжают наблюдать за происходящим внизу бесстрастным взглядом электронных глаз. Интересно, видят ли они сейчас разведчиков, тихо подбигающих к врагу? Неплохо, если бы обнаружили и врага, а заодно нашли способ сообщить вниз его координаты. Книжник утверждает, что это реально – дай только время...

Ратибор чуть прищурился: в поле зрение попали какие-то тени, и вряд ли это были орбитальные аппараты. Летучие твари кружили над острой вершиной стены – похоже, там было логово. Это хорошо. Лучше обиталище злобных тварей, чем гнездо снайпера. Значит, отряд не засекли, и удалось подобраться в упор, к самому вражьему лагерю. Значит, до схватки – считанные секунды. Самые напряженные, почти не выносимые для заряженного на драку бойца. Это как сжимать пружину, пока та не затрещит от напряжения – прежде чем разогнуться, круша и рубя в месиво все на своем пути.

Взгляд задержался на чем-то выбивавшемся из общей картины. Это был подбитый в незапамятные времена танк. Такие остовы встречались здесь на каждом перекрестке, где последние уцелевшие танковые части отчаянно удерживали линию обороны – ее стремились прорвать боевые роботы НАТО. Но что-то случилось за века с грозной боевой машиной: ствол непостижимым образом скрутило в спираль, переходившую в странное, ошетинившееся стальными иглами растение. Башня же, творение рук человеческих из многослойной композитной брони теперь, казалось, обрела фактуру гранита – словно превратившись в свой собственный памятник. Сомнения в обмане зрения пропадали, стоило опустить взгляд на корпус – он попросту превратился в подобие лопнувшей бетонной отливки, с катками, осыпавшимися цементной трухой. Бесполезно гадать – как так получилось. Ползучие Поля Смерти изменяют свойства предметов, веществ, животных, а иногда и людей. В лучшем случае жертвы умирают в мучениях. В худшем – превращаются в монстров.

Взгляд снова переместился на заросшую ядовитым плющом стену. За ней притаился враг. Тишина давила на барабанные перепонки – словно над головой не свинцовое московское небо, а толща морской воды. И дышать было тяжело, вязко – только бы не издать ни звука, который мгновенно выдаст разведчика.

Неприятная тишина.

Опасная.

От бетонного крошева поднималось жаркое марево. Ратибор чуть заметным движением смахнул со лба пот боевой рукавицей, повел носом, как старый крысопес. Нюх не обманывал. К тягучей тишине прибавился запах. Его не спутаешь ни с чем. Эта тонкая сладковатая вонь – верная спутница смерти.

Неужели опоздали?

Командир оглянулся. Можно было подумать, что он один среди этих затхлых развалин. Разведчики свое дело знали – ничто не выдавало их присутствия на чужой территории. На то они и разведчики – их дело собрать информацию и раствориться в хаосе руин, как будто никого здесь и не было.

Только не в этот раз. Уже два передовых дозора пропали в этих местах. Лучшие из лучших – глаза и уши Кремля. Может, разумнее было сделать другой вывод: не соваться сюда больше, чтобы не рисковать людьми. Мало ли опасностей таят в себе лабиринты московских развалин? Бесчисленные ловушки разной природы – от Мертвых Зон и гнойников до Полей Смерти, враждебные группировки и муты всех мастей...

Но отступив однажды, продолжишь отступать и дальше – с этих, с таким трудом разведанных территорий. Без дальних дозоров Кремль станет беззащитен перед лицом угроз, регулярно наползающих со всех сторон на древнюю крепость.

Но дело даже не в этом. Пропавшие дозорные – это друзья. Товарищи по оружию. Братья. И если оставался хоть один шанс их спасти – нужно выцарапать этот шанс хоть собственными ногтями из мертвого камня.

Ратибор медленно подтянул поближе пищаль – массивную трехствольную «дуру», заряженную шрапнелью. За спиной на ремне был плотно приторочен АК – но это непривычное оружие всегда оставалось на крайний случай.

Главным оружием разведчика всегда была тишина. А вместе с нею – острый, как бритва, нож. Не грубый тесак с зубринами, не кривой восточный кинжал. Простой на первый взгляд, минималистичный, без лишних деталей – не слишком длинный, не слишком короткий, с такой же простой, ухватистой ручкой и гардой, не дающей соскользнуть мокрой от вражьей крови ладони. Чем-то он напоминал британский нож Фейрберна-Сайкса с обводами, доведенными до совершенства, как жало скорпиона. Так видел совершенство Ратибор. Но по-своему это видел каждый из воинов. Потому-то не сыскать в Кремле даже пары одинаковых боевых ножей.

Еще были удавка, лук с ядовитыми стрелами, боевой метательный топор и, наконец, меч. Но там, где начинается звон металла, и уж тем более – выстрелы, – там заканчивается скрытность.

Сейчас скрытность отходила на второй план. Потому как на кону были жизни товарищей. В их спасение все еще хотелось верить – несмотря на этот гнетущий, всепроникающий запах мертвечины.

Опытный взгляд быстро отмечает свежие следы расположившегося здесь лагеря чужаков и дымок костра, вьющийся над гнилым зубом полуразрушенной стены. Приподняв на головой ладонь в боевой рукавице, Ратибор коротко указал: «Вперед!»

Руины зашевелились. Казалось, сдвинулись с места груды щебня и разбитые кирпичи, клубки мертвых лиан и ворохи опавших листьев. Разведчики умели сбить с толку любого противника.

Настораживало другое: то, что двум предыдущим дозорам подобные навыки никак не помогли.

На этот раз группа усилена за счет регулярных дружинников – они двигаются чуть позади. Не столь искусные в маскировке, они не менее стремительны и ловки. Ну а в прямом бою, пожалуй, куда более сильны и эффективны, чем заточенные на бесшумные операции лазутчики. А в том, что дело дойдет до драки, Ратибор ничуть не сомневался.

Разошедшись цепью, воины бесшумно смыкали окружение. Враг неизвестен – но разведчикам не привыкать к неизвестности. Даже не оборачиваясь, Ратибор знал, что по правую и по левую руку, чуть позади движутся звеньевые – они прикрывали командира. Похожими звеньями двигались остальные разведчики – такова была тактика перехода от наблюдения к атаке.

Впереди был небольшой полуразрушенный квартал. Ратибор уже представлял себе, что увидит за трухлявыми стенами: маленький, заваленный мусором двор, а в нем – хорошо закрепившийся враг. Вормы, нео, дампы – не имело значения. Потому как алгоритм битвы известен заранее: синхронный залп картечью из пищалей – и бешеный натиск, не дающий

врагу ни единого шанса оправиться от шока и занять грамотную оборону. Только так можно свести на нет численное преимущество врага.

Бесшумная команда – знак ладонью. И цепь почти неразличимых на фоне местности силуэтов превращается в волну из разъяренных воинов, стремительно прорывающихся во двор поверх остатков стен, да и сквозь сами стены – через оконные проемы и трещины...

Не издав ни звука, без единого выстрела атака захлебывается, и воины замирают в недоумении, быстро сменяющимся тревогой.

Двор пуст. Атака оборачивается фарсом.

Но вместо торжества приходит тревога. И что-то омерзительно хлюпает под ногами. Еще шаг – и вот уже под мягкими сапогами хрустят рассыпающиеся в прах кости.

Растерянность сменяется отвращением и страхом.

– Какого черта...

– Твою ж мать...

– Да чтоб у меня вытекли глаза!

– Кто мог сотворить такое?!

– Нелюди...

Звеньевой правой руки, широкоплечий малый со станковым пулеметом, взваленным на плечо, моргал в недоумении, как желторотый новичок. И Ратибор вдруг ощутил, что ему нечего сказать. Потому, как слова вдруг застыли у него в горле.

Этот проклятый дворик не был ни вражеским лагерем, ни укрепленной крепостью, ни плацдармом для будущего нападения. Он был островком Ада на измученной бесконечной войной земле. Опустив взгляд, Ратибор понял, что это хлюпает и затягивает ноги, будто в болото.

Кровь. Земля пропитана багровой жижей и разлагающимися человеческими внутренностями в сплошное бурое тесто.

А вокруг...

– Позовите советника... Книжника... – хрипло приказал командир. – Может, он объяснит, что это за чертовщина? Только живо!..

– Да здесь я.

Ратибор скоился влево. Там замер тощий парнишка в выцветшем камуфляже, с упругим вещмешком за спиной – единственный, кто здесь был без оружия. И когда это бывший семинарист научился так тихо подкрадываться? Да уж, ловкости ему не занимать – даром, что с виду такой тщедушный. Ратибор, не раздумывая, взял бы его в дружину, несмотря на внешнюю нескладность и отсутствие врожденного D-гена, подсаженного в геном каждого кремлевского ратника. Этот парень повидал на своем недолгом веку столько, сколько не выпадало и на десяток воинов. И седая прядь в густых русых волосах появилась неспроста.

О чем там говорить – даже сейчас ему нужен совет этого мальчишки, повидавшего такого, чего не увидеть в самых страшных кошмарах. И если сам князь не усомнился, сделав его своим советником, глупо было бы не узнать его мнение.

– Что думаешь? – Ратибор кивнул в сторону, не отрывая взгляда от парня.

Оглядываться лишний раз не было никакого желания. Командир повидал в жизни немало, но зрелище было за гранью. Те, кто стояли за этим, были или тяжело больны, или очень хорошо представляли, за какие струны души дергать, чтобы вызвать оторопь даже у опытного воина.

Ратибор знал, что эта картина не оставит его никогда. И даже разглядывая белесую прядь в волосах семинариста, видел совсем другое.

Полуразрушенные стены, полностью скрытые распотрошенными трупами. Тела были распластаны, вывернуты наизнанку. Убийцы не поленились вскрыть каждую конечность,

чтобы обнажить скелет, и при этом сохранить плоть. Кишки вперемешку с внутренними органами гирляндами свисали к земле.

Ратибор вдруг понял, что потрясло его больше всего. Не жестокость даже – расточительность. В этом мире в порядке вещей убивать из голода. Мясо – вполне разумный повод умертвить врага. Но это не походило на жестокую заготовку человечины впрок.

Кошмарное зрелище магнитом притянуло взгляд снова. Надо было держать себя в руках, но Ратибора передернуло.

На него смотрело знакомое лицо. Командир пропавшего дозора как будто силился что-то сказать – что-то важное, то, что поможет товарищам в праведной мести. Но что скажешь, когда тело располосовано и изуродовано с сумасшедшей фантазией.

Резко отвернувшись, Ратибор шумно выдохнул, стиснул зубы. Не хватало еще, чтобы вырвало перед подчиненными.

– Что скажешь? – раздельно, стараясь придать голосу твердость, повторил Ратибор. – Видал когда-нибудь подобные казни?

– Это не казнь.

Голос Книжника был необычно сух, даже трескуч, как горящий хворост. Картина не вызвала у парня вполне объяснимого отвращения или страха. Скорее, это было холодное любопытство ученого.

– Что же это по-твоему?

– Ритуальное убийство.

Командир молча поглядел на парня.

– Жертвоприношение, – пояснил семинарист. – Духам или какому-то кровавому идолу...

– Почему же мы никогда не встречали такого? Видели же капища нео или, там, шамов... Ничего похожего.

Книжник пожал плечами:

– Наверное, какой-то новый культ. Хотя, не уверен.

– Думаешь, новое племя в наши края заявилось? И решило свои порядки здесь насаждать?

– Может, и племя... – Книжник смотрел перед собой неподвижным взглядом. – А может – новое божество.

Парень сделал шаг вперед – к самой стене из десятков распластанных тел. Приблизил лицо к мертвому ратнику, коснулся его щеки.

Дальше произошло то, от чего Ратибора передернуло. Семинарист коснулся лбом головы мертвого ратника, затем – приложился щекой к тронутой тлением щеке мертвеца. Раскинув руки, он вроде даже обнял покрытые запекшейся кровью останки...

Этот паренек совсем странный стал после последнего своего возвращения из дальних краев. Говорят, перемякнуло его после гибели друга – Зигфрида из племени вестов. Может, действительно, крыша поехала. А может, наоборот – открылись ему тайные знания. Всякое про Книжника говорят. Но, что ни говори, невзирая на все заслуги, врагов у него куда больше, чем друзей. Глядя на его милование с мертвецами, уже не удивляешься этому.

– Ты чего, парень? Дурман-грибов объелся? – неуверенно проговорил кто-то из лазутчиков.

Ратибор уже открыл рот, чтобы пресечь эту дикость – нечего смущать и без того сбитых с толку воинов. Нужно отдать простой и ясный приказ: тела товарищей сжечь по обычаю воинов. И спалить к чертовой матери это проклятое место.

– Тихо! – остановил его голос Книжника, продолжавшего вжиматься ухом в щеку мертвеца. – Он жив!

Ратибор был уверен: ничто не может напугать его, и уж тем более – вывести из равновесия, свойственного воину.

Он ошибался. Глядя в глаза боевого товарища, который просто не мог, не должен был оставаться в живых – командир всем телом ощущал предательскую дрожь.

– Как это возможно? – пробормотал он. – У него же нет... ничего... Кишки наружу!

– Не знаю, – нервно отозвался Книжник. – Похоже, здесь многие живы. Какой-то садистский способ продления мучений... Видите – все они как будто в общую сеть связаны – вон, жилы скреплены, сосуды... В них какая-то живительная жидкость, я думаю. Она не дает жертвам умереть окончательно...

Ратибор заставил себя приблизить взгляд, чтобы увидеть эту хитроумную и страшную «сеть» из провисших сосудов, по которым струилась не то кровь, не то что-то ее заменившее.

– Убейте нас... – прохрипел безжизненный голос. Было видно, как сжались при этом оголенные легкие.

Ни секунды ни раздумывая, Ратибор выхватил меч. Оборвать мучения – это все, что он мог сделать для боевого товарища. Но надо дать шанс воину исполнить свой долг и умереть не напрасно.

– Кто это сделал? – отведя меч для удара, отрывисто спросил Ратибор.

Синие губы воина дрогнули, в трахеях шумно задвигался воздух. Казалось, несчастному не хватит сил, чтобы произнести еще хоть слово.

– Кому, кому принесли вас в жертву? – резко приблизившись к изможденному лицу, пробормотал Книжник.

– Бука... – едва слышно прошептали омертвевшие губы.

– Кто?!

Больше несчастный не издал ни звука. Взмах меча, глухой удар – милосердный металл оборвал муки.

– Сжечь здесь все! – зычно прокричал командир. – Чтобы и следа не осталось! Мы вернемся – и отомстим за братьев! Месть!

Ратибор вскинул над головой меч, разбрызгивая кровь убитого ратника. Эта кровь как будто вернула командиру силы, перекинувшись на прочих бойцов. Гул голосов слился в свирепый рык:

– Месть! Месть! Месть!

Книжник вроде и не слышал этого. Он глядел перед собой невидящим взглядом. Вокруг полыхал огонь, пожиравший чудовищное капище. Но семинарист был далеко – там, где в угрюмой неизвестности притаился монстр. Но мысли о чудовище странным образом вызывали не страх.

Они дарили надежду.

– Значит, ты вернулся. Где же тебя искать? Бука...

Глава первая. Беспокойство

На фоне Кремля Форт выглядел чужеродным телом. Как инопланетный корабль, рухнувший на Красную площадь. Глядя на скошенные грани стен без всяких признаков входа и выхода, сразу становилось ясно: это сооружение построили чужаки.

Стоять здесь, посреди Красной площади, пялясь на мрачные стены, было рискованно. Никогда не знаешь, откуда появится угроза – притаившийся в камнях хищник или вражеская пуля со стороны руин ГУМа. Странно, что его вообще выпустили за ворота. Закрадывались даже нехорошие мысли: кое-кто среди кремлевских был бы рад, если бы беспокойный семинарист сгинул, наконец, на просторах города-убийцы.

Но он все еще жив – и продолжает заворуженно разглядывать темную пирамиду Форта. Один его вид словно безмолвно намекает: сколько бы весты не жили бок о бок с кремлевскими, они навсегда останутся чужаками. Потомками врагов. Впрочем, как показала жизнь, враг вполне может стать союзником – на фоне еще более страшного противника. На том и строится выживание в этом жестоком мире.

Книжник готов был костями лечь за эту идею – он и убедил князя позволить остаткам чужого племени обосноваться у стен Кремля и даже возвести собственную крепость. Еще недавно Книжник был здесь дорогим гостем. Неудивительно – он сам приложил руку к спасению остатков этого народа. Но теперь здесь нет Зигфрида, и все изменилось.

Но хуже всего другое.

Там, внутри – Хельга. Его Хельга. Нет, не так – когда-то его Хельга.

Как его встретят? Кто знает. Еще вчера он бы и не подумал просить помощи у обитателей Форта.

Но то было вчера.

Тогда он, задыхаясь, бежал по извилистой кремлевской улочке. Кто-то шел по пятам, не отставая ни на шаг – но до сих пор оставался незамеченным. Семинарист обогнул здания Архива, Семинарии, бросился напрямик в Торговые ряды, активно работая локтями и протискиваясь сквозь толпы зевак. В ноздри ударил запах еды, специй – все еще непривычный для вечно голодного школяра.

Семинарист невольно замедлил шаг, огляделся. Когда бесконечная блокада последнего форпоста человечества ослабла, в Кремле оживилась торговля – из-за стены стали поступать всякие забытые диковины, полезные вещи, еда. Нельзя было купить только оружие – на это была исключительная монополия княжеской дружины. Впрочем, если пошерстить по темным закоулкам, наверняка можно найти и всякие недозволенные предметы – так уж устроен человек, которого не удержать никакими рамками и границами. Да что там – Книжник понимал, что и сам приложил руку к тому, чтобы внешний мир пришел в Кремль со всеми своими светлыми и темными сторонами. Таково уж неизбежное следствие кремлевской экспансии – того, как его маленькая родина отбросила врагов от своих стен и расширила зону влияния.

Взгляд чиркнул по закутку, в котором торговали древними изображениями – выцветшими плакатами, картинами, картами. Изголодавшийся по краскам взгляд кремлевского жителя был жаден до ярких пятен. Многих отпугивало происхождение товара – кто его знает, не притащили ли с товаром в Кремль какую-нибудь заразу? И хоть работала в Кремле санитарная служба, не было никаких гарантий, что однажды из-за всего этого древнего хлама не вспыхнет эпидемия.

Книжник остановил взгляд на карте. Такой он еще не видел – она была удивительная, дремуче-архаичная, украшенная витиеватыми изображениями морских чудищ и людей

в странной одежде. Похоже, что-то из времен Великих Географических Открытий. Страстно захотелось подойти поближе, поглядеть, может, даже купить или выменять на что-нибудь...

Привычным чутьем он ощутил неприятный холодок слезки. И снова нырнул в толпу, пробивая себе путь локтями. Вслед понеслись ругательства, тычки и затрешины:

– Куда прешь!

– Под ноги смотри!

– Чего это он несется? Уж не стащил ли чего?

Возможно, это была паранойя. С какой стати кому-то следить за ним? Может, он действительно двинулся умом, и неспроста старые знакомые поглядывают на него косо. Наверное, так бывает с каждым, кто одержим одной, заведомо невыполнимой задачей. Той, что постепенно превращается в манию.

Он просто хотел спасти друга.

Зигфрида. Боевого товарища, которому не раз был обязан жизнью.

Проблема в том, что это понятное желание мало отличалось от стремления вернуть покойника с того света. Ведь и сам Книжник не был уверен в том, что Зигфрид все еще жив. Тогда, уходя в спасительный портал Розы Миров, он оставил его в схватке с заведомо превосходящим врагом.

И это разъедало изнутри, не давая сна и покоя.

Можно сколько угодно убеждать себя – он не виноват, он не бежал, не бросал друга в бою. Их просто разделила непреодолимая стена пространства и времени – призрачный портал, что привел его домой и возвел перед его другом непреодолимую стену пространства. Он был уверен, что Зигфрид шагнет следом – и спасется. Зигфрид не успел.

И Книжник ни при чем. Он просто не рассчитал. Ошибся. Его вины нет.

Но перед глазами стояла одна и та же картина: искаженные ненавистью лица врагов, готовых расправиться с прикрывающим отход воином, и один-единственный меч против десятков стволов, ножей, топоров – всего, что может убивать и калечить.

– Стоять!

Резкий окрик вернул к реальности. Парень и сам не заметил, как добрался до княжеских палат. Перед ним высились ратники из личной дружины князя. На семинариста они глядели с непрошибаемым равнодушием каменных статуй.

– А ну, шаг назад! – приказал старший.

– Я княжий советник... – начал было Книжник.

Дружинник оборвал его:

– Я знаю, кто ты. Не велено пускать.

– К-кем не велено? – Книжник запнулся.

– Князем.

– Не может быть... Ведь я...

Старший сделал шаг навстречу. Семинарист невольно попятился – рослый, широкоплечий, затянутый в броню из стальных пластин ратник производил устрашающее впечатление. Он положил на плечо парню руку в боевой рукавице, и Книжнику показалось, что на него свалилось бревно. Голос же старшего стал мягче, но оттого не менее настойчив:

– Дружище, мы ничего не имеем против тебя, но ты же понимаешь – служба.

– Понимаю... – пробормотал Книжник.

– Князю надоели твои идеи со спасением Зигфрида. Мы все его помним и уважаем как воина... – старший оглянулся к товарищам и те хмуро кивнули. – Но ты должен смириться – он мертв.

Книжник в оцепенении глядел на ратников. Старший, видимо, воспринял его молчание как согласие и продолжил:

– Зигфрида не вернешь. Живые должны думать о живых. А ты... – старший поморщился. – Послушай совета – перестань говорить... странные вещи. У тебя в Кремле не только друзья, но и недругов полно. Уже поговаривают, что ты... – старший замылся.

– Что я спятил, да?

– Кое-кто нашептал князю. Тому не очень нравится, что его советник – малость... хм... не от мира сего. Мы так не думаем, но... Знаешь, что будет, если тебя действительно признают безумцем?

Книжник знал. Сумасшедший в Кремле приравнялся к опасному чужаку. Так повелось со времен, когда главной доминантой была борьба за чистоту генофонда. Отцы церкви предавали анафеме, а Боярская Дума навсегда вычеркивала безумца из кремлевских списков. Итогом было одно – изгнание. Семинаристу доводилось уже попадать в немилость, но признание чужаком не имело обратной силы.

– Меня изгонят? – тихо проговорил Книжник.

– Ну, почему же, сразу? Просто перестань привлекать к себе внимание. На какое-то время. Ну а потом... Князь вспомнит твои заслуги, я уверен...

– Вы не понимаете... – попятившись, тихо произнес семинарист. – Потом может быть поздно. Я знаю, кто может помочь спасти Зигфрида...

– Опять этот юродивый? – новый голос был глух и безлик и не было даже понятно, откуда он вдруг раздался. – Почему не гоните его? Всыпьте ему плетей!

Сбоку бесшумно выплыла тощая фигура в сером балахоне. Безликая, как и ее голос. Такова уж особенность служителей этой мрачной корпорации – кремлевского Тайного Приказа. Опричник, ревнитель внутренней безопасности, вызывающий у каждого нормального человека страх и отвращение вкупе с пониманием суровой необходимости такой службы. Ратники разом подобрались, сжали кулаки, неприязненно глядя на подошедшего. С Тайным Приказом у ратников давняя вражда. Кому приятно понимать, что такая вот серая крыса одним росчерком по бересте может сделать из тебя врага и преступника?

– Тайный Приказ нам не указ, – хмуро сказал старший ратник. Но сделал Книжнику знак: уходи, мол.

Сгорбившись, как будто его давило сверху само небо, Книжник уже собирался отправиться восвояси. Теперь уже окончательно ясно – никто не поддержит его замысла. Неужто, он и впрямь свихнулся? Говорят, сумасшедший не видит собственного безумия – это только со стороны заметно.

– Куда же ты, советник? – вкрадчиво позвал опричник. – Придется тебе прогуляться со мной!

Служитель Тайного Приказа принялся описывать полукруг, как будто хотел зайти Книжнику за спину. Парню это здорово не понравилось.

– Это еще зачем? – обернувшись, пробормотал он.

– Мы поможем тебе, – пообещал опричник. – Это наш долг помогать заблудшим душам...

Мерзкий холодок пробежал по сердцу. Трудно забыть «помощь» Тайного Приказа – до сих пор в памяти сырые каменные стены, ржавые решетки и запах тюремной безысходности. От этих воспоминаний ноги становятся ватными. Каменный мешок Тайного Приказа – страшнее смерти.

– Мне не нужна помощь... – сообщил семинарист.

– Поверь – нам лучше знать, что и кому нужно... – опричник сделал знак куда-то в сторону, откуда, очевидно, подбиралось такое же неброское с виду подкрепление. – Не дергайся – тебе же лучше будет!

Острое ощущение угрозы пронзило тело. Вот, значит, кто следил за ним! Если за него снова взялся Тайный Приказ – дело дрянь. И князь, видать, от него отвернулся. Стало быть, помощи ждать неоткуда...

Книжник и сам не понял, в какой момент бросился бежать. Его вел инстинкт – тот, что не позволил погибнуть во множестве смертельных переделок. Кто мог подумать, что подобные навыки могут понадобиться здесь, под защитой кремлевских стен?

Остановившись, как вкопанный, прямо посреди перекрестка кривых улочек, парень нервно озибался и хлопал глазами. Дыхание было хриплым, в глазах потемнело от бега. Коснувшись пальцами висков, он прислушался к собственным ощущениям. Было тревожно – на душе словно кошки скребли.

Затравленно обернувшись, Книжник поискал – нет ли чего подозрительного? Действительно ли за ним гонятся, или все это лишь составная часть сумасшествия?

Он ударил себя ладонью по щеке, затем по другой. Рядом испуганно вскрикнула какая-то белобрысая девчонка. Встретив его затравленный взгляд, подобрала подол самотканого сарафана – и бросилась наутек. В вышине низко прозвонил колокол. На кремлевской стене что-то зычно прокричал караульный.

Вокруг шла обычная жизнь – люди боролись за выживание, работали, сражались и умирали. И никому не было дела до воина народа вестов, пропавшего в далеком затерянном городе на берегу ледяного моря...

– К черту! – выдохнул Книжник. – Если я и вправду псих – попробуйте меня остановить!

Алхимик наблюдал за гостем из-под полуприкрытых век – усталым, чуть удивленным взглядом. Чему удивляться тому, кто познал непознаваемое? Кто изучил не доступное простому смертному, кто достиг вершин знаний и возможностей человеческого интеллекта? После чего, правда, рухнул на самое дно интеллектуальной ямы. Забыть все, что знал и умел – это ли не самое тяжкое наказание для ученого? И пусть никто не верит старику, вернувшемуся в Кремль после полувекового скитания, – это не имеет значения.

Старик знал: этого юношу не остановят его слова. Его вообще ничто не в силах остановить – разве что, сама смерть. И если он принялся искать что-то столь упорно – значит, это действительно того стоит.

Семинарист копался в бумагах, разложенных стопками по тесной келье. Сотни страниц с заметками, расчетами, схемами, картами, плотно покрывавшими неровную поверхность драгоценной бересты. Парень раскладывал листы, в ярости рвал их, разбрасывал в стороны. Наконец, кривой столб древних книг в человеческий рост высотой не выдержал – и обрушился на голову семинариста, похоронив того под грудой бумаг и пыли.

– Так что же ты ищешь? – спросил, наконец, Алхимик.

В ответ Книжник лишь чихал от бумажной пыли и бессвязно ругался. Он пытался выбраться из-под книжного завала, но это было непросто. Старик и не думал помогать ему – он лишь наблюдал с бледной усмешкой.

Книжник, наконец, вылез из-под пыльной книжной кучи, чертыхаясь и отплевываясь, с мятым листом бересты в руке. Глядя в него, он недовольно хмурился и кусал губы.

– Я не пойму... – бормотал он. – Была же схема...

– Ты про схему скрытых порталов? – Алхимик пожал плечами. – Зачем она тебе? Ты же знаешь, что это всего лишь теория. Я ни за что не могу поручиться – мысли путаются, в голове туман... А будь даже она верна – что толку?

– Мне нужна схема, – упрямо повторил Книжник.

– Мы не сможем открыть портал, – устало сказал старик. – Ты же сам все видел. Мы потратили с тобой полгода – и все без толку. Я потерял былую силу и остроту ума – мой мозг больше ни на что не способен. Я обыкновенный старик, мой мозг дряхл, память слаба...

– Не прибедайся, Алхимик, – отозвался Книжник. – Ты всего лишь потерял Алатырь, который усиливал твой разум. Камень рассыпался в прах при переходе через портал Розы – но твой разум все еще при тебе. Здесь не Кенигсберг, и магический Алатырь взять неоткуда. Так что придется как-то своим умом до всего доходить. Хотя, от тебя ничего не требуется – только схема.

– И что же, ты сам намерен открыть портал? – с удивлением и некоторой ревностью поинтересовался старик.

– Мне, может, его не открыть, – признался Книжник. – Но я знаю того, кто может.

Алхимик недовольно крикнул:

– И кто же способен на то, чего я добивался годами? И не одним своим слабым умишком – а с помощью мозговых симбионтов? – старик замер и вдруг забеспокоился. – Неужто кто-то из шамов добрался до секрета Розы Миров? Если так – дело плохо. Эти злобные твари принесут еще больше бед, обрети они способность скользить меж мирами...

Книжник покачал головой:

– Шамы здесь ни при чем.

– Тогда кто?

– Бука.

Старик непонимающе пялился на него, а семинарист не спешил с пояснениями. Он продолжал перебирать грубые берестяные листы, пока не наткнулся на мятый лоскут, исполосованный малопонятными каракулями. Книжник удовлетворенно хмыкнул. Тут же услышал старческое ворчание:

– Это какой еще Бука? Уж не то ли страшилище, которым у нас малых детей пугают? Тварь из Чернобыля, радиоактивный людоед, властитель Семи несчастий?

Книжник удивленно поглядел на Алхимика – и рассмеялся:

– Я все забываю, что тебя в Кремле давненько не было. С тех пор много воды утекло, и твоя информация малость устарела.

– Что, детские сказки изменились?

– Нет. Я просто его отыскал.

– Кого?

– Его.

– Буку?

Книжник виновато развел руками. Алхимик глядел на него с укоризной:

– Глумишься над стариком?

– Ничуть. Хотя этот, как ты говоришь, радиоактивный людоед, в жизни немного не тот, кем пугают непослушных малышей.

– Он что же – красна девица с голубыми глазами и грудями – с пушечное ядро каждая?

– Ага, аж с тремя. Для старика, каким ты прикидываешься, у тебя недурная фантазия. Бука, конечно, личность неприятная, но вполне себе смахивающая на человека. Я думал, он сгинул где-то под Киевом. Я тебе рассказывал.

– Да слышал я, слышал.

– Ну, вот. И похоже, он таки вернулся в наш дивный город.

– Хм... Даже если так, с чего ты уверен, что он может помочь в поиске Розы Миров? Проходы между мирами – одна из величайших тайн, доступная единицам.

Книжник задумался, тяжело вздохнул.

– Я ни в чем не уверен. Но Бука – великий колдун. Владеет большой силой, многими знаниями. Он видит то, что незаметно человеческому глазу. Что-то мне подсказывает – он

должен знать и про Розу. Вернулся же он как-то сюда – сквозь тысячи километров радиоактивных земель и Полей Смерти.

– Колдун... – презрительно произнес Алхимик. – Что может знать какой-то колдун? Все они шарлатаны.

– Если кто и знает – так только он, – упрямо сказал Книжник. – В любом случае, больше помощи искать не у кого.

Алхимик странно поглядел на парня, нахмурился:

– Постой... Уж не взялся ли ты опять за свое? Зигфрида из мертвых воскрешать?

Старик не договорил: Книжник вскочил, задышал тяжело и часто, страшно округлив глаза. Он едва сдержался, чтобы не заорать. Лишь процедил хрипло и сбивчиво:

– Никто... Слышишь? Никто не видел его мертвым!

– Но это не означает и то, что он жив... – с некоторой опаской возразил Алхимик.

– Ты ничего не понимаешь, старик, – взяв себя в руки, холодно произнес Книжник. – Ты не знаешь, что такое боевая дружба. Воины не бросают друзей. И даже, если тогда, за порталом осталось лишь его бездыханное тело – я верну его сюда, в Кремль.

– Да уж, неспроста люди говорят: ты и вправду – немного того... – Алхимик неопределенно помахал рукой у виска.

– Кто говорит? – окрысился Книжник.

– Это как раз не важно. Важно другое: кому, кроме тебя, нужно возвращение Зигфрида?

Книжник недоуменно поглядел на Алхимика. Этот вопрос даже не приходил ему в голову.

– Как это – кому... – пробормотал он. – Всем нам. Кремлевским.

– Он не кремлевский, – в голосе Алхимика послышались едкие нотки. – Даже став нашим союзником, он остался чужаком. Никто не ждет возвращения чужака. Так кто еще на твоей стороне?

– К чему ты клонишь?

– Он вест. А ты спросил его соплеменников – готовы ли они с той же решимостью возвращать своего лидера?

Книжник не ответил. И Алхимик словно прочитал его самые тяжелые мысли:

– А может, всех устраивает, что гордый вест не вернулся? Никогда об этом не думал? Он просто исчез – и нет проблем. Для Кремля остался легендой, для своего народа – героем. Вот и выходит: мертвый Зигфрид для всех лучше живого.

Семинарист не слушал. Просто не хотел слышать то, что разъедало душу. В одном старик прав.

Если от кого и ждать поддержки – то лишь от вестов. Должны ведь они отблагодарить своего спасителя. А значит, пора отправляться в Форт.

...На фоне Кремля Форт выглядел чужеродным телом. Как инопланетный корабль, рухнувший на Красную площадь.

И там, внутри – Хельга. Девушка, с которой они были так близки, с которой он пережил самое страшное и... самое лучшее в своей не такой уж долгой жизни.

Книжник тряхнул головой, прогоняя наваждение.

Все в прошлом. Его Хельга больше не смешливая рыжеволосая девчонка, с которой можно отправиться хоть в огонь, хоть в воду. Жизнь меняет все, переворачивает с ног на голову. Теперь она – глава своего народа. По крайней мере, пока не подрастет смена пропавшему лидеру, Зигфриду, перспектива спасения которого становилась все более и более туманной. А значит, никаких прежних отношений между ними быть не может. Это он, несмотря на все свои заслуги – все еще сопливый выпускник кремлевской Семинарии.

А она – настоящая женщина. Твердая, как сталь. Мать своего народа. У вестов взрослеют быстро. И в своих обычаях они не знают компромиссов.

Его вдруг как ледяной водой окатило.

А что, если все дело – именно в этом?! Не в дружбе, не в долге, не в чести – а только в том, что Хельга оставила его, приняв вовсе не женскую роль лидера?! При отсутствии в Форте взрослых мужчин кому-то нужно было это сделать. Неудивительно, что всю ответственность взвалила на себя самая лучшая, самая смелая...

Его Хельга.

Неужели все объясняется так просто – и так жалко? Неужто все дело просто в его, Книжника, ревнивом эгоизме? И вся его заикленность на возвращении Зигфрида – просто неосознанный способ вернуть все на свои привычные места? Зигфрида – в Форт, себе – девушку?!

Прочь предательские мысли! Нужно просто войти и сказать то, что необходимо. Когда возникают сомнения, есть лишь один способ не поддаться им – действовать.

Попасть в Форт не так-то просто. Весты – мастера фортификации. Стены тщательно скрывают тайные входы. Даже этот неровный камень напоминает о Зигфриде – именно он автор замысловатой конструкции, в глубину которой не проникнуть непрошеным гостям. Ни дверей, ни окон, даже бойницы тщательно скрыты в неровном камне. Но семинарист здесь не впервые. Надо только найти, где прячется служащая дверью каменная плита. Нажать нужную комбинацию незаметных выступов – как цифровой код на сейфе.

Гулко стукнуло, загудело. В стене появился темный проем, в котором возник опасного вида силуэт. Глубокий женский голос произнес:

– Проходи. Она ждет тебя.

...Странно было смотреть на Хельгу, сидевшую в высоком каменном кресле, среди кожаных подушек и гобеленов, еще больше подчеркивающих статус хозяйки. Зал для приемов нарочно устроен подобным образом – гость должен ощущать свое зависимое положение, робость. Надо отдать хозяевам должное: этим приемом весты не злоупотребляли. Во всяком случае, Книжнику не доводилось видеть Зигфрида на этом массивном каменном стуле, предназначенном для главы народа. Да и в этот зал Книжник попал впервые.

Зрелище впечатляло, вгоняя в трепет, невольно заставляя склониться в поклоне. Книжник с трудом преодолел в себе невесть откуда взявшееся плебейское чувство. Дело даже не в том, что кремлевскому не подобает склонять голову перед кем бы то ни было, кроме собственного князя.

Просто он не привык смотреть на Хельгу снизу вверх.

Девушка занимала место конунга вестов с беззастенчивой легкостью. Наверно, для женщин атрибутика куда важнее, чем для всякое повидавшего воина. Она не просто сидела на этом своеобразном «троне» – она восседала на нем в окружении почтенных женщин в длинных одеяниях и вооруженных девушек, походивших на амазонок с древних гравюр. Самое время улыбнуться такому сравнению – но что-то не улыбалось.

Книжник отметил, что не видит здесь подростков и детей мужского пола. Неужто, бабы здесь всерьез захватили власть? Этого только не хватало! Где-то довелось прочесть, что женщины-воины обладают куда большей жестокостью и бескомпромиссностью, чем мужчины. Древние амазонки, к примеру, снискали именно такую славу своими жестокими набегами. Не хотелось бы такого противника под боком у Кремля.

Поймав, наконец, взгляд Хельги, парень прогнал навязчивые мысли. С чего он взял, что у этой миловидной особы откуда-то взялись диктаторские амбиции? Наверное, он просто мыслит примитивными мужскими штампами...

– Привет, Хельга!

– Привет, Ник.

Приветствие не похоже на высокомерный княжеский прием. И слова, вроде, простые, приветливые. Мешает только удушливый ком в горле.

– Я пришел за помощью, – голос дрогнул фальшивой ноткой. Книжник откашлялся. – Больше идти не к кому.

– Вот как? – в голосе Хельги мелькнул укор. – Ты пришел ко мне лишь тогда, когда идти уже не к кому?

– Я не это хотел сказать... – Книжник густо покраснел.

Ясное дело – сморозил глупость. Хотя с этими женщинами, что ни говори, что ни выдумывай, как ни изощрайся – никогда не угадаешь, чего они хотят от тебя услышать.

– Неужто стал таким важным, что к старой подруге зайти считаешь зазорным?

– Ты вовсе не старая подруга, – торопливо сказал парень, уже понимая, что несет чушь. – Э-э... Я не это хотел сказать. То есть, ты и в правду не старая, и выглядишь хорошо... Опять не то... Я хотел сказать: это не я стал важным. Это ты вознеслась – выше некуда.

Хельга жестом остановила его. Семинарист мысленно поблагодарил ее, сжимая пальцы и обливаясь потом от неловкости. Все эти корявые расшаркивания не имели значения – они слишком хорошо знали друг друга. Но, оказывается, не так просто говорить с бывшей подругой, особенно взлетевший выше тебя по социальной лестнице. Да еще в присутствии свидетелей. Точнее, свидетельниц – вон они, волком смотрят, готовые наброситься на растерянного парня по одному только жесту повелительницы. Это уже не те испуганные девочки, которых он вел сюда вместе с Зигфридом от самого Бункера. Они уже ощутили силу. Свободу. Власть.

Зря он пришел сюда.

Хельга разглядывала Книжника, будто видя его насквозь – с эдакой чуть удивленной улыбкой. Наконец, тихо рассмеялась, махнув рукой:

– Ну что ты такой деревянный? Расслабься, стань прежним Ником...

Парень криво улыбнулся в ответ:

– Я-то и есть прежний. А станешь ли прежней ты, Хельга?

– А не много ли он себе позволяет? – запальчиво выкрикнула жилистая девчонка, сидевшая в сторонке в обнимку с алебардой.

Вскочила, небрежно крутанув в руке оружие, сделала угрожающий шаг в сторону гостя. Несмотря на угрозу, трудно было не залюбоваться ее ладной фигурой, затянутой эластичным нарядом из тонкой кожи. Среди женщин пронесся ропот. В голове Книжника мелькнуло – как бы эти ведьмы не разорвали его к чертям собачьим. Прямо взбеленились в последнее время, с кремлевскими аж в штыки встали, какие-то интриги нелепые плетут...

Мужиков им не хватает, вот что, мелькнула неожиданная мысль. Надо бы походатайствовать у князя, чтоб им разрешили общаться с кремлевскими парнями. Чистота генофонда, конечно, важна, но карантин определенно затянулся. Как бы девки от тоски не натворили глупостей.

Эти мысли вызвали невольную усмешку, которую воительница с алебардой немедленно приняла на свой счет. И аж зашипела от ярости, как взбешенная кошка, готовая к броску.

– А ну стоять, Ингрид! – рывкнула Хельга, и Книжник невольно втянул голову в плечи. – Забыла, как этот парень пробивал нам дорогу сквозь Поля Смерти и толпы мороков?

– Это было давно! – уже не так уверенно огрызнулась девушка. – Он не имеет права так разговаривать с конунгом вестов!

– Прикрой свой маленький ротик, – ровно, но твердо отрезала Хельга. – Я сама решу, кто и на что имеет здесь право.

Хельга резко поднялась со своего «трона», спустилась по ступеням и, схватив Книжника за руку, потащила прямо сквозь ряды женщин. Их негодующий ропот и недовольные взгляды не стали для Хельги препятствием. Зато заставили Книжника вжать голову в плечи в ожидании удара.

Наверное, он зря накрутил себе – ничего подобного от вестов ждать не следовало – даже от их вечно недовольных баб. Несмотря на заносчивость, они знали, что такое благодарность, и помнили о своих спасителях. Просто он оказался не в то время не в том месте. Впрочем, как и всегда.

Выйдя из зала через узкую боковую дверь, они оказались в темном коридоре, подсвеченном откуда-то сверху неровным искусственным светом. В сторону шарахнулись двое мальчишек лет семи, в серых лохмотьях – видать, подслушивали, что происходит у взрослых. Девушка провела его изломанным коридором с потайными нишами и бойницами в стенах. Здесь все было построено с расчетом на возможные боевые действия, и даже внутренние стены должны были помогать вестам в случае отражения нападения.

Путь завершился резким поворотом, и они оказались в небольшой, на удивление уютной комнате. Самотканые циновки, подушки, украшения, старая самодельная кукла без глаза... Книжник сразу узнал во всем руку Хельги. В сердце кольнуло – все-таки, она по-прежнему оставалась все той же девчонкой с распахнутыми от удивления глазами. Только жизнь заставила ее взвалить на свои хрупкие плечи слишком тяжелую ношу. Еще раз Книжник сказал себе с угрюмой уверенностью: здесь нужен Зигфрид. Это его и только его роль – тянуть на себе целый народ. И точка.

Всю его угрюмость, как горячей волной, смыло поцелуем. Он не успел ничего понять, как Хельга снова отстранилась, отступив на шаг. Наверное, не найдя отклика в нем, закостеневшем болване.

– Прости, что я с тобой так высокомерно, – неожиданно мягко произнесла Хельга. – Сестры должны чувствовать, что я за них – горой..

Парень вдруг понял, что она смотрит на него снизу вверх, держа его за руки. Может она ждала, что он обнимет ее, прижмет к себе, как когда-то. Но егохватило лишь на то, чтобы произнести деревянным голосом:

– Я знаю, как вернуть Зигфрида...

Хельга отпустила его руки, странно поглядела на него.

«Вот я идиот!» – мелькнуло в голове. Похоже, он опять все испортил.

– Зигфрида вернуть нельзя, – терпеливо произнесла Хельга. – Он погиб. И ты знаешь это.

Ну вот, добился своего – так говорят с сумасшедшими.

– Никто не знает этого наверняка, – упрямо произнес Книжник. – Я видел, как он дрался...

– ...и это сильно напугало тебя, – мягко сказала Хельга. – Тебя мучает совесть – ты думаешь, что мог спасти его. Я знаю, как сильна была ваша дружба. Но пора смириться...

Волна злости вдруг нахлынула, тенью закрыв взгляд и отдавшись в ушах мерзким звуком. Он выдохнул, прерывисто, с неприятной усмешкой:

– Что, не хочется власть возвращать?! Понравилось всем рулить, на всех прикрикивать? А вернется Зигфрид – придется делиться! Так ведь, Хельга?

Он наговорил бы еще много глупостей, да только его прервала хлесткая пощечина. Запнувшись, он с изумлением таранился на девушку и потирал жгучий краснеющий след.

– Не говори того, о чем потом пожалеешь, – сдержанно сказала Хельга. Из ее голоса напрочь исчезла теплота. – Лучше посмотри на себя со стороны. Думаешь, я не знаю, что о тебе в Кремле судачат?

– Ну, давай, поделись свежими сплетнями, – пробормотал Книжник. – Ты же теперь важная птица, веришь только доносчикам.

Какое-то время Хельга сверлила его взглядом, а потом что-то произошло: глаза наполнились слезами. Черты ее лица потеряли твердость и напускную сухость – и девушка бросилась к нему на шею, обнимая и вжимаясь в обалдевшего парня, как в последнюю надежду.

– Ты чего? – пробормотал Книжник, осторожно обнимая девушку.

– Я – чего? Это ты чего?! – дрожащим голосом заговорила она. – Что с тобой происходит? Ты пугаешь меня! Чего только не говорят: и что ты с ума сошел, и что тебя подменили враги, чтобы проникнуть в Кремль, подобраться ближе к окружению князя!

– Что за глупости...

– Да? А при встрече с тобой начинаешь в это верить! Погляди – ты же на себя не похож! Осунулся весь, круги под глазами, какой-то оборванный весь, потерянный. Если бы я не знала тебя так хорошо, тоже решила бы, что ты не в себе!

– Ты и вправду так думаешь?

– А что мне думать? Вбил себе в голову: во что бы то ни стало вернуть Зигфрида! Понимаешь, как это выглядит со стороны? Все знают, что он мертв! А даже, если и жив – как его вернуть из тех дальних стран? Кремлевские не могут спасти даже пропавших в последних дозорах – а это не так далеко от Кремля. И твои фантазии воспринимают просто, как бред – и не иначе! А ты... Ты стал просто одержим своей идеей!

Книжник помолчал немного, тихо сказал:

– Ты права, Хельга. Как всегда. Нет, я правда считаю, что ты знаешь меня лучше меня самого. Наверное, я действительно одержим. Но пусть я останусь наедине со своим безумием, чем буду жить с мыслью, что мог спасти друга – и отказался от этой возможности. И из-за чего? Просто потому, что все вокруг вертят пальцем у виска и смеются у меня за спиной! Я думал хотя бы у тебя найти поддержку – но вижу, что остался совсем один. Прости.

Книжник снял с запястий вцепившиеся в них руки Хельги и повернулся в сторону выхода. На душе было паршиво и пусто.

– Стой! – голос Хельги за спиной был полон боли.

Он обернулся. Хельга смотрела на него полными слез глазами, сжимая кулаки и словно не зная, что сказать. Затем вдруг бросилась куда-то в сторону, в темный угол комнаты.

Книжник ждал, опустив голову. По правде, ждать было нечего. Надежда давно покинула его. Осталась только эта болезненная сила, толкающая вперед, несмотря на недоуменные взгляды и насмешки. Книжник считал, что эта сила – долг перед другом. Но может, правы были те, кто считал эту силу безумием.

– Вот!

Хельга появилась перед ним столь же неожиданно, как и исчезла. В руках у нее был большой, тяжелый на вид сверток. Точнее – бесформенный клубок из тряпья и кожаных ремней, скрывающих что-то металлическое.

– Я сохранила это для тебя. Точнее – для себя. Может, на всякий случай, может, как память...

Книжник осторожно принял сверток из рук Хельги. Руки ощутили знакомую тяжесть. Он не поверил своим глазам.

Арбалет. Безотказное и смертоносное оружие вестов. Многозарядный, с электрическим приводом взвода. Точно такой же, какой был у него и давно сгинул в дальних странах.

Книжник поднял на Хельгу изумленный взгляд:

– Но откуда?!

– Мальчишки. Юные весты помнят уроки сгинувших отцов. Зигфрид тоже преподавал немало уроков. Некоторые даже превзошли предков в мастерстве.

Книжник вспомнил алебарду в руках едва не убившей его Ингрид – вещь явно новая. Мелькнула неприятная мысль: неужто в мастерских Форта в тайне от Кремля делают оружие? Вот так новости. Против кого вооружаются весты?

Он отогнал эту мысль. Ясно же – у вестов и у кремлевских полно общих врагов. Начиная звероподобными нео и заканчивая шамами с их безмерной жадой мирового господства. И все же, подобные сюрпризы несколько настораживали.

– Тут хороший запас стрел, – сказала Хельга.

– Болтов, – поправил Книжник. – Арбалет стреляет болтами.

– ...и еще кое-что, что может пригодиться... – Хельга запнулась, видимо, собираясь сказать «в пути». Просто она знала, какое это страшное слово, если знаешь, каков этот путь. – Может, ты все-таки подождешь? Вдруг, все-таки, удастся собрать хоть какой-то отряд. Чтобы не одному, в неизвестность...

Она снова осеклась, наткнувшись на взгляд парня. Бог его знает, что было там, в этом взгляде, но по лицу Хельги пробежала мелкая дрожь, разом превратив бескомпромиссную властительницу вестов в слабую, растерянную девчонку.

– Нет времени ждать, – голос казался чужим, безжизненным. Семинарист судорожно вздохнул, голос дрогнул. – Ведь я понятия не имею – смогу ли и вправду его спасти.

– Вот даже как...

– Я делаю то, что делаю, не столько для него, сколько для себя самого. Просто потому, что не смогу дальше жить – если не буду знать, что сделал все, что зависело от меня. Понимаешь?

Хельга медленно кивнула. Она понимала. Она всегда понимала его с полуслова.

– Я бы пошла с тобой, не раздумывая, – тихо сказала она. – Но мой народ...

– Знаю, – как можно мягче ответил Книжник. Перехватив глухо звякнувший сверток, сжал руку Хельги. – Ты по-другому не можешь. Ты отвечаешь за своих. И не должна их оставлять, что бы там ни случилось.

Чуть помолчав, добавил:

– Я тоже не могу по-другому. Я верю – он все еще жив.

Глава вторая. В осаде

Открыв глаза, он долго смотрел в потолок. Так можно лежать бесконечно – в полумраке каменного мешка время не имеет значения. Но нельзя давать себе слабинку. Если безделье не разрушит и без того разбитое тело, то наверняка повредит рассудок. Это и есть самое трудное – не драться, в чем ему нет равных, не терпеть боль, голод, лишения – он прошел через все это и пройдет снова столько, сколько будет нужно. Хуже другое.

Ждать. Ждать, не зная, есть ли смысл в самом ожидании.

С трудом поднявшись с каменного ложа, вест подошел к стене. Раскаленным клинком в камне было выведено:

ЗИГФРИД

Какое-то время он вчитывался в эти буквы. Не лишнее смысла занятие – после того отчаянного боя, в котором он получил больше десятка ранений, каждое из которых для другого стало бы смертельным. После той мясорубки он выковырял ножом из собственного тела пять пуль, и одна из них до сих пор сидит под лопаткой. Самым сокрушительным стал тогда удар палицей, скользнувшей в опасной близости у виска. Вроде бы даже треснули кости черепа. Но может, показалось. Треск переломанных ребер он просто не брал в расчет.

Тогда ему удалось отбиться и дать друзьям возможность уйти в портал. Но звон в голове и досадные провалы в памяти остались. Когда он бредил, истекая кровью, в голове вспыхивали забытые воспоминания – и он вскакивал со своей «кровати», сооруженной из каменных блоков, и тяжело дыша, пытался закрепить в мутном сознании картинки, утекающие, как песок сквозь пальцы.

Коснувшись холодной стены, провел пальцами по рельефным, шершавым буквам. Тактильные ощущения породили целую череду неясных картинок, чьи-то голоса наперебой невнятно забормотали под черепной коробкой.

– Зигфрид... – хрипло произнес он и не узнал собственного голоса.

Где обычно выбивают имя? На могиле. Иногда казалось, что его похоронили заживо в этом склепе. Похоже на правду. Именно поэтому нужно произносить эти буквы в голос.

Не то, что он боялся забыть свое имя. Но чтобы не озвереть в одиночестве, нужно помнить, что ты – человек, чье имя достойно того, чтобы быть выбито в камне.

А еще нужен смысл, стержень. И потому под именем день ото дня росли ряды одинаковых косых штрихов. Дни, что складывались в недели, недели, что складывались в месяцы. И даже не хотелось думать о том, что однажды он разом перечеркнет все триста шестьдесят пять черточек.

Но этого не случится. Потому что еще раньше его не станет. Припасы, складированные Алхимиком в башне старого маяка, кончились неделю назад. Он еще держится, но железная выдержка не прибавит сил. И чем сдохнуть, как голодная крысособака, лучше он погибнет в бою. Только такая смерть достойна настоящего воина. Банды Семи Ворот, устроившие за ним охоту, легко предоставят такую возможность. И когда он поймет, что ждать больше нет смысла – он сам прорвет осаду и выйдет на свой последний бой.

А пока он просто поднялся на вершину старого маяка под странное переливчатое небо. Он был в ловушке в этой древней башне, окруженный вооруженными до зубов бандитами, решившими больше не переть на пролом, а дожидаться, пока он сдохнет без их помощи.

Эти ребята даже не знали, что сами находятся в ловушке – куда большей по масштабу, всосавшей в себя целый город с окрестностями и заливом. И вырваться отсюда можно лишь одним путем.

Через тайную дверь в пространстве. Ту, для которой не существует ни времени, ни расстояния. Ее называют Розой Миров, и он сам видел портал этой удивительной Розы. Через портал ушел Книжник с Алхимиком, в нем исчезла Пророчица.

Он не успел. И теперь каждый день поднимался на эту площадку, как будто был настолько наивен, чтобы надеяться на чудо.

Портал не появлялся. Он и не мог появиться – ведь, чтобы открыть его с этой стороны, Алхимику понадобилась энергия атомной бомбы. Но даже, если бы у узника маяка были все атомные бомбы мира, толку от этого было бы ноль. Он просто не знал, как открыть эту чертову дверь. А потому мог надеяться только на одно – что ее откроют с той стороны.

Наверное все просто забыли о нем. Или решили, что он погиб, прикрывая отход группы. А может, друзья просто не могут снова открыть портал. Но хуже, если им самим не удалось выжить – этого тоже нельзя исключать.

Он ждал. Долго ждал. Но ожиданию подходит предел.

Он встал на одно колено, склонил голову, закрыл глаза. Нужно собраться, прочувствовать тело – так тестируются системы боевого робота. Иногда он и вправду ощущал себя подбитым роботом, механизмы которого отказываются подчиняться. Но сегодня он почувствовал себя лучше. А значит, пришло время действовать.

Зигфрид открыл глаза. Во взгляде появилась прежняя твердость. Сжал кулаки, упершись костяшками в ледяной камень. Чуть склонился – то ли, как взводимый курок, то ли, как спринтер на старте.

И отпустил тело на свободу.

Если бы кто-то мог наблюдать со стороны, то увидел бы, как усталый, медлительный, заросший неряшливой щетиной и длинными спутавшимися волосами человек, только что стоявший, сгорбившись и преклонив колено, вдруг взорвался движением, как сорвавшаяся с креплений пружина. Взлетев метра на полтора над площадкой, выхватил из воображаемых заплечных ножен несуществующий меч – и еще до приземления успел сделать полный оборот вокруг себя, поражая невидимым мечом таких же невидимых врагов. Дальше – серия молниеносных ударов, в сопровождении мгновенных перемещений по площадке. Стандартная тренировка воина-веста – «бой с тысячью теней», задача которой дойти до предела своих бойцовских и физических возможностей. Темп все нарастал – и теперь взгляду почти невозможно было бы угнаться за непредсказуемыми движениями воина.

Еще несколько секунд – и Зигфрид замер, хрипло дыша и сплевывая кровь. Однако, до прежней формы ему далеко. Восстановился он явно не полностью.

Переведя дух, воин поднялся, подошел к самому краю площадки, оглядывая прилегающую территорию. Теперь это был прежний Зигфрид – твердый, рассудительный, холодный. И никому не нужно знать, чего ему стоит эта видимость.

Быстро спустившись по винтовой лестнице в основание маяка, Зигфрид провел ревизию запасов и вооружения. С вооружением был порядок. После давнишнего боя бандиты уносили ноги, уволаскивая раненых и бросая убитых вместе с оружием. Помнится, он не раз терял сознание, когда истекая кровью, обессиленный таскал и выбрасывал из окна трупы врагов – оставляя при этом все, что они принесли с собой – стреляющее, режущее и взрывающееся. А принесли они достаточно, чтобы уже который месяц в одиночку держать оборону. Враги любезно оставили три АК-74 с десятком набитых магазинов, два дробовика и штук пять пистолетов с разным боезапасом. Гранаты и самодельная взрывчатка тоже имелись в изобилии. Ножи, тесаки, цепи, пики и заточки можно было в расчет не принимать. Ведь по чьей-то идиотской прихоти бандиты умудрились притащить, а затем благополучно бросить пулемет «Корд», с тремя плотно набитыми «цинками» патронов. Во время одного из последовавших штурмов его крепости бандиты убедились, что сделали это зря, а Зигфрид

сбросил с вершины маяка еще дюжину трупов. С тех пор враги отказались от действий «в лоб» и просто стали ждать, когда он сам сдохнет.

Впрочем, все это оружие для воина всегда оставалось вспомогательным. Потому что «номером один» в арсенале веста был и остается меч, закаленный в особом Поле Смерти. Оружие ближнего боя – единственно правильного боя, когда видишь врага в лицо и не оставляешь победу на волю случая. И залежавшийся в ножнах меч давно уже жаждал вражеской крови.

С запасами было хуже. Несколько ржавых банок с консервами из старых запасов Алхимика, полканистры воды. Это и есть тот предел, который заставит его действовать в ближайшие дни.

Но прежде, чем заговорит оружие, стоит дать себе и врагам последний шанс. Слишком много пролито крови – и все из-за тупого желания толпы идиотов убить одного-единственного человека. Не то, чтобы было особо жаль бандитов, просто с пульей, плотно засевшей неподалеку от сердца, начинаешь немного переосмысливать действительность.

Зигфрид усмехнулся таким мыслям: это все Книжник, который ему давно уже мозг проел своими проповедями. Было смешно слышать восторженного добряка, который сам положил из своего арбалета не один десяток подонков и, бывало, собственноручно вонзал смертельный металл в человеческие тела. Но теперь, кажется, начинало приходить понимание того, о чем говорил этот кремлевский паренек.

А впрочем, все это блажь. Важнее старый, как мир, принцип: идеальный воин побеждает, еще не вступив в бой. Если это правило имеет смысл, то как раз в его случае.

Выход из маяка был основательно забаррикадирован. Выломанные собственноручно из внутренних перегородок блоки теперь укрепляли внешнюю дверь. Однажды ее попытались взорвать – но связка гранат не взяла каменное нагромождение. Тратить большее количество взрывчатки, видимо, не хотели, и на то могли быть разные причины. Во-первых, не факт, что одна его жизнь стоила такого количества драгоценной взрывчатки – с куда большим удовольствием и с большой экономией его бы просто зарезали. Во-вторых, достаточно мощным взрывом можно разрушить маяк целиком. А что-то подсказывало: этого бандиты делать не собирались. Стало быть, есть у них какое-то слабое место, и все еще остаются зацепки для переговоров.

Забавно, но, похоже, он просто искал повод поговорить – пусть даже с этими уродами.

Добраться до двери было не так просто. Сначала нужно обезвредить собственные ловушки, установленные на случай неожиданных визитов. Пара банальных «растяжек» скорее отвлекала непрошенных гостей от реальных ловушек, которых здесь было несколько. Во-первых, «капканы» – специально упрятанные под полом провалы, в каждом из которых легко застрянет нога неосторожно ступившего на них. Но это всего лишь обманка. Застравший сам должен стать приманкой для тех, кто его вздумает высвободить. Когда чужаки подберутся к застрывшему, усилившееся давление на пол через систему тросиков потянет за спусковой крючок «калаша», закрепленного напротив в самодельном станке. Устройство этой штуки таково, что автомат, прежде чем опустошить магазин, опишет хитрую фигуру, накрыв все пространство входа, не дав шанса и тем, кто решит пригнуться. Впрочем, Зигфрид не слишком полагался на технику, а потому предпочитал дублировать системы защиты. Поэтому вслед за автоматом сработает пара дробовиков, накрыв вторую волну наступающих картечью. Эти устройства уже спасли его во время последнего штурма, когда он лежал в очередной отключке и не был в состоянии встретить гостей лично.

Сейчас же, деактивируя ловушки, он думал только о том, не забыл ли где еще какого-нибудь сюрприза. Было бы глупо умереть, перехитрив самого себя. Но обошлось.

Зигфрид добрался до тяжелой железной двери и осторожно выглянул в маленькое обзорное окошко.

По ту сторону двери был день, хоть и довольно сумрачный – но двор перед маяком пустовал. Однако не стоило обманываться – бандюки тоже умели устраивать ловушки.

– Эй, есть кто живой? – позвал Зигфрид в окошко.

Разумеется, ему не ответили. Он подождал немного и позвал снова:

– Так есть там кто? Ну, раз нет – тогда гранату кину, может, на звук кто подтянется...

Снаружи донесся обеспокоенный голос:

– Эй, как там тебя! Не надо гранату!

– А, ожили? Ну, тогда позовите бугра, или кто там у вас все решает. У меня к нему предложение есть.

Ответили не сразу. На всякий случай воин отошел в сторону: начнут стрелять – не достанут, не позволит банальная геометрия. Наконец, снаружи крикнули:

– Жди. Сейчас старшему сообщат. Только дурить не вздумай – у меня РПГ, мигом дверь вынесу.

– Жду, жду, – пообещал Зигфрид. Сам же подумал: «Нет у тебя РПГ, кто тебе, дурачку, такую вещь даст? И главное, зачем? Если до этого РПГ не применяли, то на кой черт вручать его охраннику?»

Однако на всякий случай отошел от двери подальше. Сел на опрокинутую бочку, держа в правой руке меч, а в левой – старый добрый револьвер. Такое сочетание оружия он считал наиболее гармоничным: револьвер с бронебойными патронами позволял проредить ряды противника перед тем, как в дело пойдет меч. Впрочем, сейчас он предпочел бы повременить с дракой. А потому чуть расслабился, экономя силы. И занялся привычным уже делом: стал ждать.

Ждать пришлось долго. Он успел впасть в некое оцепенение, сродни медитации. В последнее время такое с ним часто происходило – сказывались незалеченные раны. Наконец, слух уловил отдаленные голоса и звуки шагов. И вскоре кто-то неспешно постучал в дверь:

– Эй, внутри. Звал, что ль, главного?

Голос показался знакомым. Зигфрид вышел из оцепенения, хрипло ответил:

– Я-то звал. А ты вправду за главного, или «шестерка» какая подставная?

– А ты открой, погляди. Или я зря из теплого местечка в твою трупорезку тащился?

– Языком орудуешь дерзко, – усмехнулся Зигфрид. – Может, ты и впрямь тот, за кого себя выдаешь.

– Так ты откроешь или дальше через дверь любезничать будем?

– А ты заходи. У меня не заперто. Сам понимаешь, я человек простой, мне бояться некого.

За дверью возникло легкое замешательство – там задвигались, заерзали. Небось, говоривший был не один. А может, готовил ему какую-нибудь пакость. Не уймутся никак, головорезы проклятые.

– Допустим, я тебе поверю, – произнесли за дверью. – Надеюсь, голова у тебя на месте, и ты не надеешься, прикончив меня, сразу решить свои проблемы?

– Не беспокойся слишком сильно за свою шкуру, – усмехнулся вест. – Не так уж дорого она стоит. В отличие от времени, которое ты тянешь.

– Ну, ладно... – с сомнением произнес тот же голос.

Дверь заскрежетала и приоткрылась. На пороге застыл коренастый мужичок в бесформенной темной одежде. Очень даже знакомого вида мужичок. Он шагнул в глубину маленькой «крепости» – и Зигфрид узнал его.

– Балабол? – Зигфрид неприятно улыбнулся. – Вот уж не ожидал, что ты все еще живой. Да еще так поднялся, в бандитском-то рейтинге.

– Живой, как видишь, – вошедший быстрым взглядом оценил обстановку и, видимо, несколько успокоился. Даже расплылся в улыбке, впрочем, довольно натянутой. – И не поверишь – я тоже рад видеть тебя живым!

– Точно, не поверю. Иначе меня бы не пытались угробить столько раз и с таким тупым упорством.

– Ну, это была не моя инициатива. Если ты думаешь, что я тут всем заправляю – то сильно ошибаешься. Сам понимаешь, компания у меня разношерстная. Вольные – одна история, Банды Семи Ворот – совсем другая. Да и в бандах нет единоначалия. Им непросто поделить такой приз, – Балабол многозначительно замолчал.

– Что за приз? – прищурился Зигфрид. – Не мое же сердце, съев которое кто-то решил стать круче всех остальных?

– Хорошая, кстати, идея, – Балабол рассмеялся. – Думаю, охотники найдутся. Знаешь, какие в бандах извращенцы встречаются? – Балабол огляделся, теперь уже с довольно хозяйскими видом. – Может, присядем? В конце концов, это ты позвал меня. Невежливо заставлять гостя торчать в дверях...

Поймав взгляд Зигфрида, Балабол театрально поднял руки и кивнул на револьвер в его руке:

– ...Но, конечно, это лучше, чем лежать у порога с простреленной башкой.

Они сидели друг напротив друга – двое противников, имевших немало поводов прикончить друг друга при первой возможности. Но жизнь удивительная штука: иногда она навсегда разводит лучших друзей, а иной раз заставляет сесть за один стол смертельных врагов. Сейчас стола не было, как не было повода для застолья – Зигфрид продолжал сидеть на своей бочке, убрав, впрочем, меч в ножны, а револьвер – в набедренную кобуру. Перед ним был враг, ловко притворявшийся добродушным простачком, но демонстрировать лишний раз оружие – проявлять слабость перед противником. Балабол же с комфортом устроился на ящике с динамитом. По его виду можно было решить, что он чувствует здесь себя хозяином. Пожалуй, он имел для этого все основания – за его спиной были десятки до зубов вооруженных головорезов.

– Так зачем ты меня звал? – первым заговорил Балабол.

Он достал из-за пазухи мятую фляжку, отхлебнул, крикнул от удовольствия. Протянул собеседнику. Зигфрид покачал головой, сказал:

– Я тебя позвал, чтобы предложить сделку.

Балабол спрятал фляжку, усмехнулся:

– Видишь ли, какое дело, приятель. Ты не в том положении, чтобы заключать сделки.

– С чего ты это взял?

– Что бы ты ни предложил – рано или поздно мы возьмем это сами.

– То есть, вам любой ценой нужна моя смерть?

– Лично мне нет дела до твоей жизни или смерти, – Балабол снова отхлебнул и пожал плечами. – Я тебе даже симпатизирую чисто по-дружески. Я бы даже отпустил тебя на все четыре стороны, если б это ничего мне не стоило.

– Ну так за чем же дело стало?

Балабол развел руками:

– А то ты не понимаешь? Если я тебя отпущу, меня свои же грохнут. Слишком много народа ты положил – и Банды Семи Ворот, и вольные – все твоей крови жаждут.

– Ну и ладно, – спокойно сказал Зигфрид. – На такие подарки я и не рассчитывал. Скажи лучше, чего вы маяк в осаде держите, столько народу почем зря положили? Неужто только из-за моей скромной персоны?

Балабол помолчал, достал из кармана обрывок пожелтевшей бумаги, наверное, вырванной из какой-нибудь уцелевшей древней книги. Сложил, насыпал в складку пару щепоток какого-то сушеного зелья. Скрутил в самокрутку. Поколдовал с самодельной зажигалкой, извлекая огонь, закурил. Сказал невнятно, глядя куда-то в сторону:

– Ладно, скажу как есть, по старой памяти. Нам нужна дверь.

– Какая дверь?

– Не делай вид, что не понимаешь. Дверь в пространстве, через которую твои дружки улизнули.

– Ах, вот в чем дело, – Зигфрид понимающе кивнул. – Значит, предмет сделки у нас, все же, имеется.

– Опять ты за свое? – гость скривился, выпустил густую струю дыма. – Какая там сделка? Рано или поздно ты или сам с голодухи ноги протянешь, или тебя таки прикончат. И дверь сама по себе нам достанется. Не обижайся, я, как есть, говорю.

– То есть, ты считаешь, что меня не станет – и вам тут же такой приз сладкий достанется? – Зигфрид понимающе кивнул. Показал Балаболу кулак. – А харя не треснет?

– Может, и треснет, – Балабол оскалился неполными рядами желтых зубов. – Я и без того не красавец, а шрамы украшают, как говорится. Да только дверь того стоит. Многие хотят из Кенигсберга смыться – а ключик-то у нас. Соображаешь?

– Соображаю. Хотите толпу подонков через портал в Москву отправить?

– Может в Москву, может еще куда. Говорят, дверь в разные места открывается. В богатые, сытые места, где не идет этот проклятый вечный дождь вперемешку с черным снегом, где жратва на деревьях растет и бабы сисястые на тебя сами вешаются!

Балабол заржал. Зигфрид тоже улыбнулся, заметив:

– А тебя не смущает, что я тут уже который месяц сижу, и почему-то не догадался уйти через эту дверь в ваш солнечный рай с грудастыми девами?

– Ничуть, – отозвался Балабол. – Ты не ушел по одной простой причине: ты не знаешь, как открыть эту дверь. Алхимик знал – но он улизнул, оставив тебя, наивного простачка, прикрывать свою дряблую задницу.

– «Наивного простачка» я тебе прощу на этот раз – иначе не с кем будет заключать сделку. Но ты говоришь так, будто знаешь, как ее открыть, эту дверцу? Может, у тебя золотой ключик от нее имеется?

– У меня нет. Но есть головастые ребята, которые открывают любые двери. Теперь нам известно главное – где находится портал. И если однажды его открыли, открыть его вновь – дело техники. Скоро мы войдем сюда и откроем его. Так что тебе нечего предложить, воин.

Балабол с улыбкой щелкнул пальцами. По-видимому, решил, что разговор закончен. Зигфрид даже глазом не повел, продолжив:

– Хорошая попытка. Только ты забыл кое-что.

– Вот как? Да, вроде, на память не жалуюсь.

– Ты забыл, кому ультиматумы ставишь. Напомнить, сколько я ваших прикончил?

– Это ты угрожаешь, что ли? – Балабол несколько напрягся, маленькие глазки его забегали.

– Расслабься, Балабол. Ты мой гость, как-никак, я тебя не трону. Если, конечно, за пистолет хвататься не станешь – думал, я не вижу, что у тебя в рукаве припрятано?

– Даже не думал, – Балабол демонстративно вскинул руки над головой. – Но, хоть убей, в толк не возьму, к чему ты клонишь.

– Будет надо – убью, – пообещал Зигфрид. – Зря думаешь, что загнал меня в угол. Дверь, говоришь, нужна? Ну так я захлопну ее для вас навсегда.

– Ты блефуешь, – усмехнулся Балабол. Впрочем, не так уверенно, как прежде. – Как ты можешь закрыть дверь, которую не в силах открыть?

– Очень просто, – Зигфрид легонько пнул носком сапога ящик со взрывчаткой под сиденьем побледневшего гостя. – Я просто взорву этот маяк к чертовой матери. Если до того дойдет – то вместе с собой. И с компанией твоих бандитов, если вы решите надеть глупостей и попытаетесь меня остановить.

– Ты не сделаешь этого, нет... – пробормотал Балабол. Самодовольство с его лица куда-то испарилось.

– Еще как сделаю. И останется ваша заветная дверца там, – Зигфрид ткнул пальцем в потолок. – В небесах. Прыгайте тогда к ней хоть до посинения.

Теперь Балабол глядел на него с нескрываемой злобой. Впрочем, он быстро взял себя в руки и водрузил на лицо свою дежурную улыбочку:

– Чего ты хочешь?

– Это другой разговор, – Зигфрид чуть откинулся, любуясь произведенным эффектом. – Для начала, пожалуй, принесешь мне еды и воды – запасы пополнить. А там обсудим, как нам жить дальше.

– Ты меня без ножа режешь, – процедил Балабол. – Все ждут, что у тебя припасы закончатся, а я, стало быть, тебя подкармливать буду? Знаешь, что они со мной сделают?

– А ты потихоньку, – посоветовал вест. – Я никому не скажу.

Балабол заерзал, запыхтел, соображая. Ухмыльнулся. Вытащил из кармана жестяную коробочку, вытряхнул из нее карточную колоду. Предложил:

– А давай разыграем? Выиграешь – будет по-твоему, и жратвы притащу, и лекарств подкину. Проиграешь – уйдешь по-тихому. Я устрою.

– Заманчиво, – признал Зигфрид. – Если бы я не был уверен, что при отходе ты меня стопроцентно обманешь.

– Слово даю! Карточный долг – долг чести.

– Ну, ладно, давай сыграем...

– Отлично! – Балабол принялся ловко тасовать карты.

– Только не в твою колоду, – расхохотался Зигфрид. – Ты же не думаешь, что я поверю в честную игру твоими краплеными картами?

– Во что же сыграем? – Балабол пожал плечами.

– В самую лучшую из игр. В «орлянку».

– Монетку подбросим? Какая же это игра? Чисто на удачу.

– Ты не веришь в свою удачу?

Балабол побряхтел, поерзал – и махнул рукой:

– А, давай!

Зигфрид достал из кармана червонец. Самая ходовая валюта – золотой «Сеятель», старинная инвестиционная монета восьмидесятого года двадцатого века, запущенная в оборот с легкой руки Маркитантов. Взял двумя пальцами, покрутил перед носом Балабола.

– Выпадет герб – твоя взяла, Сеятель – выигрыш мой. Хочешь бросить?

– Сам кидай, – проворчал Балабол. Выглядел он немного сбитым с толку.

– Ну, смотри, – легко отозвался вест, подкидывая монету. – Оп!

Червонец взлетел, завертевшись в воздухе и сверкая с луче света, пробивавшегося с улицы через окошко в двери. Со стуком упал на пол и завертелся волчком. Нервным ударом пыльного ботинка Балабол прекратил вращение. Поглядел – и грязно выругался.

Выпал Сеятель.

– Везет мне сегодня, – довольно сказал Зигфрид, поднимая монетку. – Жду тебя с гостинцами. Не обманешь?

– Я держу слово, – поднимаясь со своего ящика, процедил Балабол. – Ночью жди. Чего-нибудь раздобуду.

– Приятно иметь с тобой дело! – бодро сказал Зигфрид. – Ну, не буду тебя задерживать.

Дверь за Балаболом закрылась. Укрепив ее бетонными блоками и восстановив ловушки, Зигфрид остановился, чтобы перевести дух. Сунул руку в карман, достал монетку, усмехнулся, глядя, как на ладони тускло отблескивает рельефная фигурка Сеятеля. Щелчком перевернул с реверса на аверс, удивляясь, как здорово сработала простейшая детская обманка, сделанная на досуге из двух распиленных червонцев.

На обратной стороне монеты сверкал точно такой же Сеятель.

Глава третья. Слепая удача

То, что его затея отдаст безумием, Книжник понял уже через пару сотен шагов, когда пришлось спешно вжаться в какую-то щель в стене, наблюдая, как мимо, извиваясь, медленно проползает чья-то бесконечная чешуйчатая туша. Бог его знает, что это было – таких тварей видеть еще не приходилось, тем более – в хорошо, казалось бы, разведанных окрестностях Кремля. Чешуйчатое нечто ползло и ползло, и чешуйки, потираясь об асфальт и друг о друга, казалось, пели странную, гипнотизирующую песню.

«Змея? Щупальце?» – оцепенело думал Книжник. Главное было не выпасть из ненадежного укрытия. Он едва балансировал на одной ноге – вторая норовила соскользнуть с кучи кирпичной пыли. Страх почти не было – была досада на самого себя и ощущение глупости происходящего. Быть сожранным случайной тварью чуть ли не у стен собственного дома – и это после всех порывов отправиться на поиски друга! Да в Кремле просто животики надорвут от смеха. Конечно, если узнают, каков был финал «свихнувшегося» княжьего советника.

Движение туши прекратилось – будто тварь услышала его мысли. То, что эта чешуйчатая труба – плотоядная, Книжник даже не сомневался. Так уж повелось этом мире: все жрут всех. Некоторые, правда, умудряются еще и усваивать мертвечину или того паче – дерево, пластик и прочие соединения углерода...

Вжавшись спиной в стену – хотя, казалось, дальше просто некуда, – он чуть не завыл от ужаса.

На него смотрел Глаз. Нет, тварь не извернулась, подтянув к жертве морду, пасть, ротовое отверстие – или что там у нее было. Просто на толстом чешуйчатом «шланге» открылся огромный чертов Глаз! Медленно, выпирая сквозь покрытые более мелкой чешуей веки, он вылутился прямо посреди туши и неподвижно уставился на обалдевшего парня. И самое жуткое – глаз был не кошачий с вертикальным зрачком, не мертвый змеиный, не улиточный на омерзительно тянущемся «стебельке».

Глаз был человеческий. Нормального размера, с белком, усеянным мелкими красными капиллярами, с прозрачно-серой радужной оболочкой и черным, медленно сужающимся зрачком. Глаз внимательно поглядел на бледного от страха парня – и тот невольно вскрикнул: глаз моргнул.

Семинарист ощутил спиной ледяной холод, способный покрыть инеем кирпичную кладку позади нее. Он был готов поклясться, что понял выражение этого сумасшедшего глаза.

Он узнал этот Глаз.

Так уж вышло, пропал в том году стражник. Книжник помнил его взгляд – потому что при входе в кремлевские ворота стражник внимательно всматривался в каждого вошедшего, пытаясь уловить подвох. Так и запомнился этот глаз с тремя крапинками на радужке. Как он оказался на этой туше? Лучше даже не думать об этом.

Черт... В голове звенело, не отпускало удушливое дыхание страха в затылок. Книжник медленно выдохнул, пытаясь взять себя в руки. В тот же момент Глаз подернулся налетом равнодушия, закатился, как будто с бесшумным капризным «Ой, все...». Закрылся и исчез – будто его и не было на поверхности тусклой чешуи.

Тварь продолжила движение, быстро истончаясь, пока не превратилась в тонкий, похожий на хлыст, раздвоенный хвост. Извиваясь с неожиданной активностью, «хлыст» исчез вслед за тварью.

Какое-то время парень стоял, переводя дух, все еще не решаясь выбраться из укрытия. Только сейчас он понял, что сжимает в руках взведенный арбалет, которым целил прямоком

в чертов Глаз. Слава богу, хватило выдержки и ума не выстрелить. Неизвестно, сожрала бы его тварь заживо или предварительно рассекла на части ударами хвостового хлыста? Куда больше волновало – смотрела ли тварь на него через этот самый Глаз, или тот жил своей собственной жизнью? Действительно ли это был глаз пропавшего и сожранного стражника? Вырос ли он в этой туше изначально или прицепился, пророс, как спора какого-нибудь гриба?

– Глаз-паразит... – пробормотал Книжник, нервно отряхиваясь. – Какая прелесть...

Доводилось видеть вещи попротивнее, но отчего-то этот Глаз привел его в настоящее смятение. Дело было, конечно, не в проклятом мутанте. Просто Книжник, наконец, осознал, в какую авантюру полез по собственной воле.

Ведь он не знал даже, куда идти.

Он стоял на пепелище – на месте страшного жертвоприношения, где недавно узнал о возвращении Буки. Здесь все еще царил запах горелой мертвечины. Но Книжник не обращал на него внимания – он бессмысленно озирался, нелепо прижимая к груди арбалет, ощущая растерянность и, как ни странно, стыд.

С чего он взял, что отыщет Буку здесь, где разведчики уничтожили алтарь в его честь? Выходит, пытаясь найти поддержку для поисков Зигфрида и собираясь отправиться за помощью к Буке, он не удосужился составить план его поисков. Может, неспроста на нервного семинариста последнее время смотрят с подозрением, как на двинувшегося умом?

– Идиот. Какой идиот! Безмозглый дурак!

Книжник запнулся. Эхо все еще разносило его крик меж покрытых копотью стен. Что толку орать? Будто так исправишь собственную глупость! Разве, привлечешь хищников или какую-нибудь случайную банду, что шарят по руинам в поисках добычи.

Закрыв глаза, он медленно выдохнул. Надо взять себя в руки – и сделать то, что делать ему не впервой.

Начать с нуля.

Что ему действительно известно? То, что Бука вернулся в этот город. Если верить умирающему ратнику, конечно. Но где уверенность, что его слова – не бред умирающего?

Стоп, так можно зайти слишком далеко. Он поверил ратнику сразу – не должен сомневаться и теперь. Бука в Москве. Но где искать это мрачное существо, обладающее даром влиять на людей и видеть не доступное смертным? Только теперь Книжник признался себе, что не имел ни малейшего понятия, куда идти. Отчего-то там, за кремлевскими стенами, это не казалось проблемой. Но вот он стоит посреди борозды, оставленной в горах мусора проползшей тушей – и тупо разглядывает обгоревшую стену.

Быстрая тень коснулась периферического зрения. Дальше включился рефлекс. Разворачиваясь в падении, Книжник вскинул арбалет. Прежде, чем спина коснулась земли, вдавил спусковую скобу.

Злобный визг разорвал барабанные перепонки. В лицо ударило плотным порывом ветра – что-то пронеслось прямо над упавшим парнем и с глухим стуком ударилось в стену. Забилось, продолжая визжать и хлопать перепончатыми крыльями.

Рукокрыл, приличного размера, агонизировал с арбалетным болтом в уродливой голове. Только теперь парень осознал, что едва не стал жертвой летучей твари, видимо, прилетевшей на крик. Указательный палец судорожно дернулся еще пару раз на спусковой скобе. Рыкнул автовзводом арбалет, сплевывая злобные железные стержни в сторону мечущегося черного кома. Пару раз дернувшись, существо застыло.

Происшествие здорово взбодрило. Сердце колотилось, руки дрожали – но растерянность и вялость как рукой сняло. Стараясь не терять из виду небо над головой, парень поднялся, осторожно подошел к рукокрылу, оглядел его. Была опасность, что тварь притво-

рывается мертвой, чтобы наброситься на неосторожно приблизившуюся жертву. Но трудно притворяться с железным штырем в башке и еще парочкой в узкой грудной клетке. Книжник подошел ближе и попытался вытащить болт из черной головы, стараясь при этом не глядеть на чудище, словно созданное внушать омерзение. Болт засел крепко и извлекаться не желал. Жаль было терять ценные боеприпасы, но на другой половине весов было нечто куда более ценное – время. Заметив кружащие в небе тени, Книжник оставил усилия и поспешил удалиться. Летучие твари снижались, но можно было не опасаться: в первую очередь они возьмутся задохлого сородича. Так уж устроена постыжерная экосистема, зацикленная на скудости ресурсов и экономии энергии: в первую очередь пожирается более легкая добыча.

Удаляясь быстрым, но почти бесшумным шагом, семинарист уже знал, что будет делать дальше. Чтобы было хоть от чего оттолкнуться, стоило расспросить тех, кто считает себя истинными хозяевами города – по крайней мере, за стенами Кремля.

Нужно найти Маркитантов.

Ближайшую точку торговцев он обнаружил наутро там, где и предполагал – у одного из переходов через Садовое кольцо. Всем известно – Садовое кольцо смертельной змеей опоясало окрестности Кремля, и пересечь его в первом попавшемся месте никак нельзя. С теми, кто не был согласен с этим утверждением, поговорить уже не придется. Древняя оборонная система Последнего Рубежа работала с надежностью небесного светила, и лишь немногие знали тайные тропы, где можно перейти незримую границу. Большинство этих троп и контролировали Маркитанты. Правда, в последнее время инициатива все чаще переходила к людям Кремля – дружина совершала все более дальние вылазки, оттесняя Маркитантов с насиженных мест.

Но сейчас рядом не было вооруженных ратников, и Маркитанты были полностью в своей власти. Потому Книжник не сразу выбрался из укрытия, настороженно разглядывая пост торговцев. У него не было права на ошибку. Если договориться не удастся, он потеряет драгоценное время. И без того на путь, который вест прошел бы за пару часов, он потратил почти сутки. Ему было далеко до Зигфрида, спиной ощущавшего угрозу, а потому не снижавшего темпа. Да что там – ему, простому семинаристу, не сравниться даже с рядовыми Маркитантами. Те свободно разгуливали по развалинам, как будто не ощущали угрозы ни от хищников, ни от ловушек, ни от диких банд дампов. У этих торгашей свои секреты, один из которых – умение договориться со сторонами этой вечной войны всех против всех. Всем ведь нужна одежда, жрачка, оружие – то, чего никогда не бывает в достатке.

Только не у Маркитантов. У них есть все.

И сейчас Книжник надеялся: у них есть то, что позарез нужно ему.

Информация.

Это товар особенный, и, пожалуй, наиболее ценный. За него придется платить. Семинарист полагал, что нескольких заранее припасенных монет хватит. Маркитанты никогда не отказываются от золота. И не упускают случая продать все, за что готовы выложить не тускнеющий металл. Вопрос лишь в цене.

И вот тут-то легко прогадать. Маркитанты видят «клиента» насквозь – сколько тот стоит, на что способен ради нужного ему товара. Коли почуют серьезную заинтересованность – загнут цену. Еще хуже – ловко загонят в долги. А это почти всегда означает рабство или смерть.

И сейчас, напряженно наблюдая за Маркитантами из близлежащих руин, Книжник понимал, что у него написано на лице: «Готов согласиться на все!». Хреновая отправка точка для торга.

– Эй, приятель! – раздался вдруг ленивый, с легкой насмешкой голос. – Хорош в камнях шуршать, как крысопес в засаде.

Книжник замер. Он все еще не верил, что обнаружен. Машинально подтянул к груди арбалет, и тут же услышал, как за спиной щелкнул автоматный затвор.

– Ты что, малой, пострелять пришел? – спокойно спросил все тот же, но уже более близкий голос. – А ну, руки!

– Вовсе нет, – послушно поднимая руки, пробормотал Книжник. – Я по делу.

– Ну, раз по делу, тогда медленно встал – и потопал вон к тем ребятам. Твою «машинку» я сам возьму... Хм, неплохой арбалет! Да не дергайся – верну, если поверю, что ты не задумал чего непотребного.

С ощущением стыда и мысленно ругая себя за рассеянность, Книжник побрел к посту. Нужно было идти к переходу сразу, не мешкая. Теперь же, если эти ребята решат, что он лазутчик или наемный убийца – церемониться с ним не станут. Аргументы для удачного торга стремительно таяли.

Осторожно обернувшись через плечо, мельком поглядел на своего пленителя. Ничего особенного, типичный представитель торгового клана: черный кожаный плащ, капюшон, темные очки, восстановленный АК-74 в руках, упакованных в черные же перчатки. Клонировать их всех, что ли? Ничего нельзя исключать – у Маркитантов имеется доступ ко всем мыслимым технологиям, сотрудничают они что с кио, что с шамами, да и вообще черт знает с кем.

То, что с ним так мягко общаются, ничего не значило. С этими парнями уже не раз доводилось сталкиваться – и каждая встреча была «на грани». Мягко стелют, как говорится. Сначала вытянут нужную им информацию, оценят плюсы и минусы, и если посчитают, что наименее хлопотным будет тебя прикончить – не усомнятся ни секунды.

Так что расслабляться не стоило, и семинарист приготовился к худшему. Пост между тем приближался, и выглядел он не совсем привычно. К парочке вооруженных темных фигур, обычно охранявших переход, прибавилось какое-то уродливое металлическое сооружение, в котором Книжник не сразу распознал боевого робота. Наверное потому, что он был не знакомого ему типа. Более того – совершенно немыслимого типа! Когда с приглушенным присвистом сервоприводов в его сторону повернулось здоровенное пушечное дуло, Книжник открыл рот от изумления и даже на секунду остановился.

На характерных механических конечностях, то ли от биоробота типа «раптор», то ли от переделанного «рекса», уродливым грибом торчала танковая башня. Собственно, корпуса как такового у робота не было – одна лишь эта башня, похоже, от Т-90, увешанная разношерстными блоками активной брони, да нелепо повисший между «ног» цилиндр автомата заряжания. Грозно мелькнул в броневых щелях характерный рубиновый отблеск глаз-окуляров, оружие четко отслеживало движение оробевшего парня. И Книжника как ледяной водой обдало.

Это что получается – они «скрестили» русский танк с натовским биороботом? Как это возможно? Даже у прирожденных мастеров – кио – такого не доводилось видеть. Тут ведь не только проблема технической совместимости. Биоробот – не тупая машина. Каждой из них управляет живая нервная система. Мозг. Человеческий мозг, отобранный у какого-то бедолаги и «перепрошитый» для новых целей. А значит, нужно органическое питание, био-реактор... Где это здесь? На первый взгляд – выброшено за ненадобностью. Просто оружие в чистом виде.

Выходит – новое оружие? У Маркитантов?

Неожиданное открытие было настолько неприятным, что на какое-то время затмило страх перед возможной расправой. Даже замелькали лихорадочные мысли – броситься в бега, чтобы сообщить о новой угрозе в Кремль. Глупо конечно. Но факт оставался фактом. До сих пор разным силам удавалось либо каким-то образом приручить био, либо договориться с этими квазиживыми организмами. Но никому даже в голову не приходила идея

«скрестить» боевые машины непримиримых врагов, объединив их плюсы и избавившись от минусов. Насколько удачно это удалось, пока не ясно, но звоночек, безусловно, тревожный.

– Чего встал? – недовольно прозвучало за спиной. – Топай давай!

Вжав голову в плечи, Книжник двинулся дальше. Странный «роботанк» – так его для себя окрестил парень – вдруг потерял к нему интерес – и развернул орудие в сторону перекрестка по эту сторону Кольца. Тактически верное решение – так простреливается вся видимая часть улицы, пересекающейся с Кольцом. Что характерно: из своего укрытия этого страшилища он не видел – его закрывал угол здания.

Надо запомнить.

– Ну? – произнес новый голос. – Чего ищешь в наших краях? Только быстро – времени на тебя нет!

«Времени у них нет, – хмуро подумал Книжник. – Сами, небось, от скуки здесь подышают, а корчат из себя...»

Двое Маркитантов, внешне почти не отличимые от его конвоира, вальяжно развалились в складных креслах у импровизированного очага, выпиленного из половинки железной бочки. В очаге на компактных брикетах горел синеватый огонь, над которым на металлической решетке шкварчало мясо в раскуроченных консервных банках. Пахло так, что у голодного парня едва голова не закружилась.

Он счел разумным принять предложенные правила и подыграть заносчивым торговцам, изобразив деловой тон и некую торопливость.

– Я искал вас... – начал он.

– Чтоб подстрелить? – быстро спросил один из Маркитантов, недовольно косясь на мясо – клиент явился явно некстати. Кивнул на арбалет в руках конвоира, все еще стоявшего за спиной семинариста.

– Если бы я хотел кого-то подстрелить, сделал бы это сразу, – сухо сказал Книжник. – Уж не дождался бы, когда меня за шкуру схватят. А я даже не целился...

– Ладно-ладно, – проворчал первый Маркитант, осторожно и за отогнутую крышку стаскивая с огня банку. – Так чего хотел? Оружие, боеприпасы, еда? Или на ту сторону надо?

– Информация, – быстро сказал Книжник.

– Тэ-эк... – протянул Маркитант, с интересом поглядывая на парня.

Извлек из кармана вилку. Глаза семинариста расширились от удивления: такую можно было увидеть разве что в музее – изысканную, с изящно изогнутыми зубцами, узорчатой рукоятью с каким-то хитрым гербом на конце. Судя по всему серебряная. Маркитант принялся вытаскивать из банки исходящие паром разваренные мясные волокна и с аппетитом жевать. Говорят, торговцы владеют секретом восстановления консервов из древних запасов. Как, впрочем, патронов и всего остального. Вроде бы, используют для этого какое-то особое Поле Смерти. Ходили слухи, что подобные Поля могут еще и оживлять, и омолаживать. Но сейчас это не имело значения.

– Что за информация? – нетерпеливо спросил его сосед.

Он хмуро поглядывал на товарища, чем немного заинтересовал Книжника. Опустив взгляд, парень заметил на перевернутом патронном «цинке» пару игральные кости и стаканчик, сделанный из гильзы тридцатимиллиметровой пушки. Книжник не смог сдержать улыбки: похоже хмурый только что проиграл свой обед приятелю. Торопливо согнав улыбку с лица, Книжник произнес:

– Про Буку слышали?

Можно было подумать, что его собеседники проигнорировали вопрос. Обезоруживший его Маркитант продолжил стоять за спиной, не шелохнувшись, тот, что жрал тушенку, продолжил жрать, его сосед продолжил хмуро смотреть на семинариста, как будто тот так ничего и не сказал. Немного напрягшись, Книжник сказал отчетливее и громче:

– Мне Буку найти надо. Вы же знаете, кто это. Может, слышали – вернулся он в город? Мне нужно увидеть его.

Седевшие в креслах Маркитанты едва заметно переглянулись, но ответа так и не последовало. Только жевавший тушенку принялся с брезгливым выражением выковыривать из мяса листик лаврушки.

– Ну, если вам ничего не известно... – Книжник развел руками. – Тогда, выходит, я зря к вам заявился.

– Ну, почему же – зря? – отозвался Маркитант с тушенкой. Он, наконец, выковырял лаврушку и теперь задумчиво разглядывал ее на свет. Перевел взгляд на Книжника. – Чем расплачиваться думаешь, за информацию-то?

– Пять монет есть, – проговорил Книжник. – «Сеятели», настоящие.

Сунул было руку во внутренний карман камуфляжной куртки – там, завернутые в тряпицу прятались золотые червонцы. Но остановился, с сомнением глядя на Маркитантов. Не нравилась ему их реакция на свой вопрос. Он медленно вытащил руку из-за пазухи, застегнул пуговицу.

– А вы точно знаете?...

Его оборвал приглушенный смех за спиной. На плечо легла костлявая ладонь в перчатке. Его конвоир вышел чуть вперед, попутно сунув в руки настороженному парню отобранный арбалет:

– Держи! Да не бойся, малой. Чего напрягся? Невесть какая информация – где Бука осел. Мы-то думали...

– Так вы скажете? – оживился Книжник.

– И скажем, и покажем, – приведший его сюда Маркитант поманил за собой. На секунду нахмурился: – Монеты точно при тебе?

– Показать? – с готовностью отозвался Книжник. Мысленно одернул себя, сообразив, что выглядит глупо. Насупился.

– Не надо. Верю, – Маркитант остановил его великодушным жестом. – Иди за мной.

Книжник, как сомнамбула, проследовал за ним. Сидевшие в креслах молча проводили его взглядом. Поедавший тушенку молча вернулся к своему занятию, второй, зевнув, потянулся. Семинарист остался в некотором недоумении, так и не поняв, кто же главный в этой троице торговцев-клонов. Впрочем, все эти мысли тут же вылетели у него из головы – задумавшись, он едва не налетел на шедшего впереди Маркитанта. Тот же, остановившись, указал куда-то за ржавый железный ящик, бывший некогда мусорным контейнером. Там лежало чье-то скрюченное тело, плотно связанное куском «железного» плюща – растения с многометровым стеблем и крепостью капронового троса. Этот некто был без сознания.

– А ну, помоги! – бодро сказал Маркитант, подходя к телу со стороны ног. Ухватился за потрепанные, плотно зашнурованные «берцы». Подмигнул Книжнику: – Берем – и понесли.

Книжник недоуменно заморгал:

– Куда?

– Туда! – Маркитант кивнул в направлении открытого пространства Кольца. – Чего уставился? Тебе все равно на ту сторону – это, кстати, тебе часть ответа на твой вопрос, авансом. Хватайся – отработаешь часть оплаты!

Книжник неуверенно кивнул, неловко подхватил тело под руки. И только теперь понял, что это какой-то ребенок. Впрочем, для ребенка он был слишком тяжел, да и пропорции странные. Елки-палки – да это же карлик! Довольно неприятного вида, с головой, заросшей густыми сальными волосами, и с щетинистым лицом, наискось пересеченным тремя уродливыми шрамами в палец толщиной каждый. Похоже на след от удара когтистой лапой. Хорошо хоть, он был без сознания. Да еще неплохо, что был на две головы ниже обычного человека – это давало надежду на то, что его переноска пройдет без особых усилий.

Как бы ни так. Карлик оказался на редкость тяжелым и неудобным. На середине пути, прямо посреди смертоносного пространства Садового кольца, семинарист понял, что силы заканчиваются. Чтобы отвлечься, спросил у Маркитанта, хитро выбравшего более легкую часть ноши:

– Зачем мы этого тащим туда?

Прикусив язык, подумал, что зря сует нос не в свое дело. Но Маркитант охотно отозвался:

– Это заказ. Доставляем клиенту на той стороне, – поймав растерянный взгляд парня, торговец усмехнулся. – Одному нужна информация, другому – нужный человек. Любой каприз за ваши деньги – слышал поговорку?

– Ага... – пропыхтел Книжник.

Тяжелая ноша норовила выскользнуть из рук. Он попытался перехватить тело поудобнее, его качнуло в сторону.

– Куда с тропы лезешь?! – гаркнул Маркитант. – Жить надоело?

Испугавшись, Книжник дернулся обратно – и ноша выскользнула из рук. Он повалился следом на мелкого, но тяжелого, как свинец, уродца.

А потом произошло то, что определило его судьбу.

По инерции он ткнулся лицом прямиком в физиономию карлика. И расслышал тихий, на грани осязаемого, шепот:

– Тебя убьют!

Еще показалось едва различимое: «Спаси!». Но в этом он не был уверен, потому что сам едва не заорал от неожиданности. Но длилось все это мгновение. Карлик снова был без сознания – или казался таковым. В любом случае его тихие слова казались галлюцинацией, игрой воображения. Что было бы неудивительно здесь, на узкой тропе через проспект, пронизанный со всех сторон смертельным излучением Последнего Рубежа.

– Простите... – поднимаясь на ноги, пробормотал Книжник. – Он такой тяжелый...

– Ладно, – проворчал Маркитант. – Тут недалеко осталось. Получишь свою информацию, расплатишься – и убирайся на все четыре стороны.

Книжник машинально кивнул.

Теперь он не верил ни единому слову этого парня в черных очках. Ощущения уловили фальшь в словах, движениях спутника, а взгляд невольно зацепился за кобуру пистолета на бедре под откинувшимся на миг плащом и кинжал в ножнах, притороченных к черному голенищу. Вряд ли Маркитант будет тратить на него пулю. Просто всадит клинок в мягкое, пока клиент будет доставать деньги. Он и арбалет вернул лишь для того, чтобы парень расслабился и не ожидал подвоха. Теперь дело представало яснее ясного: и реакция Маркитантов на его вопрос и последовавшее за тем неуместное дружелюбие.

Он задал явно неуместный вопрос. Бог его знает, какой интерес имели Маркитанты в отношении Буки, но явно были намерены пресечь любые попытки чужака добраться до него.

Непонятно только, зачем ему доверили тащить пленного карлика? Да и кто вообще он такой, этот карлик? Хотя привлечение семинариста к переноске тела как раз объяснимо: Маркитанты склонны обращать в свою пользу всё и всех. Иногда это доходит до маниакальной жадности. Так чего же не использовать дармовую рабочую силу прежде, чем ее прихлопнуть?

Выходит, приговор вынесен, и он обречен? И что тогда? Бежать?

Невольно скосившись на лицо карлика, которого он, пыхтя, продолжал тащить, семинарист усомнился. А что, если этот тип врет? Просто пытается сравить его с Маркитантом – ради собственного спасения!

Это просто дилемма какая-то. На решение которой осталось совсем уж мало времени – они почти преодолели одному только Маркитанту понятный, изломанный маршрут и добрались до внешней стороны Садового кольца. И теперь предстояло определиться: довериться Маркитанту или бросить все и попытаться скрыться? В последнем случае об обещанных координатах Буки придется забыть. Если только Маркитантам эти координаты известны в принципе.

Проклятье. Лучше бы чертов карлик оставался без памяти, не ставя таких неразрешимых задач! Книжник прикусил губу, мысленно обругав себя за малодушие. Все-таки, предупрежден – значит вооружен. Осталось лишь придумать, как действовать в случае, если карлик окажется прав.

Книжник нарочито пыхтел и отдувался, как будто целиком занятый процессом транспортировки маленького, но грузного тела. Мозг же лихорадочно перебирал варианты.

Арбалет? Сейчас он болтается за спиной – его просто не успеть вскинуть для стрельбы – кинжал или пистолет окажутся в руке Маркитанта скорее. Тем более, что торговец выглядел куда более тренированным бойцом, нежели недавний семинарист. Свой собственный нож? Маркитант отобрал его у парня при пленении, а после, якобы из дружеских соображений, засунул вместе с ножнами ему в рюкзак. Его убьют раз пять, прежде чем он откинет на рюкзаке клапан. Метательные стилосы? Этим оружием Книжник владел лучше всего. Увесистые металлические стержни, вроде тех, что кремлевские школяры используют для письма на бересте – только заточенные и смазанные парализующим ядом. Все бы ничего – да только связка этих штуквин спрятана глубоко за пазухой, рядом с монетами. Вряд ли убийца будет дожидаться, чтобы поглядеть, что там достает и чем замахивается потенциальная жертва. Оставим стилосы на крайний случай. Как говорится, помирать, так с музыкой.

Требовалось что-то совершенно другое, к чему этот самодовольный тип не готов по определению.

– Пришли, – сообщил Маркитант. – Бросай!

Книжник не стал следовать приказу буквально, а сравнительно аккуратно уложил на асфальтное крошево якобы бесчувственное тело. И, бледно улыбаясь, сделал шаг в сторону Маркитанта.

– Ну, вот, – продолжая улыбаться, произнес Книжник. В его голосе появилась дрожь. – Теперь вы мне скажете, где искать Буку?

Маркитант с любопытством поглядел на него и извлек из кармана пачку сигарет. Настоящих, только восстановленных все тем же секретным методом. Прикурил от пижонской золотой зажигалки и пустил ядовитый, но невероятно ароматный дым. Сейчас он превращал в дым целое состояние – каждая настоящая сигарета у ценителей была на вес золота.

– А зачем тебе Бука? – выпуская из ноздрей густые струи дыма, поинтересовался он.

– А разве у Маркитантов принято задавать такие вопросы?

– У Маркитантов не принято.

Он сделал паузу, затянулся. Книжник похолодел, уже зная продолжение.

– Да только я не Маркитант.

– А кто? – произнес парень одеревеневшим голосом.

В голове зазвенело от быстро закрутившихся «шестеренок», отчаянно пытавшихся сформулировать какую-то мысль, бешено заколотилось в груди. Он где-то просчитался, и этот просчет может стоить ему жизни. Маркитанты – циничные ублюдки. Но ублюдки вполне предсказуемые.

А чего ждать теперь?

– Ты всегда судишь о людях по внешности? – продолжил мнимый Маркитант, любясь произведенным эффектом. – Что ты видел? Трех незнакомцев, одетых, как торговцы и занявших место торговцев? Ты производил впечатление более умного парня...

«Это странное поведение, роботанк, невесть откуда взявшийся, – мелькнуло в голове. – Он же с самого начала понял – это явно не из арсенала Маркитантов! Так кто они, эти люди?»

Вопрос был праздный. Актуальный же заключался совсем в другом: что делать?

– Так что, малой, – повторил Маркитант. – Для чего тебе Бука понадобился?

– Мне нужно чудо, – машинально ответил Книжник. И почти не солгал при этом.

Маркитант удивленно и чуть разочарованно вскинул брови. Пожал плечами:

– Чудо? Ты что, дурачок?

– Ага, – отозвался Книжник. – Все так говорят. Так вы дадите мне информацию? А я вам – золото, как и обещал...

Он полез было за пазуху, но прежде, чем успел хоть что-то сообразить, в руке Маркитанта возник тот самый пистолет – «кольт», покрытый вычурной позолотой. Похоже, эти, выдававшие себя за Маркитантов, были помешаны на вызывающей роскоши. В черном колдце ствола семинарист отчетливо разглядел собственную гибель. Голос же лже-Маркитанта потерял остатки былой мягкости, стал резок и сух:

– А ну, не дергайся! Руки в гору! Сейчас ты мне расскажешь все, что знаешь о Буке – иначе я не пожалею пули!

Вскинув над головой руки, Книжник повалился к ногам псевдо-Маркитанта и заголосил, срываясь на рыдания, тем более, что в сложившейся ситуации изобразить их было совсем не трудно.

– Не убивайте, не убивайте меня, прошу! Я ничего не знаю, правда! Ну что я вам сделал? А? Пощадите, я что угодно для вас сделаю!..

Книжник ползал в ногах своего будущего убийцы с такой убедительностью, что тот на секунду замешкался. Может, решал, на что может сгодиться этот слизняк. Впрочем, выражение его лица не сулило жертве особых шансов.

Не рассчитывал на снисходительность и Книжник. Весь этот спектакль нужен был только ради одного – подобраться к кинжалу, притороченному ножнами к сапогу из кожи неизвестной твари. Заливаясь слезами и продолжая мольбы, семинарист вцепился в эти самые сапоги, чуть ли не облизывая их. Он знал, что в любую секунду может получить пулю – но даже у зверей присутствует врожденный инстинкт: лежащего не бьют. По крайней мере сразу. Садисту требуется несколько секунд, чтобы преодолеть в себе этот природный барьер – и дать волю ярости. Лже-Маркитант не был похож на откровенного отморозка, но не было сомнений – он с легкостью прикончит лежащего. Но выгадать пару секунд шанс все равно остается.

– Да отцепись ты! Пшел!

Болезненный удар в грудь отбросил Книжника в сторону неподвижного тела карлика. Фальшивый торговец брезгливо отряхивался свободной от пистолета рукой, продолжая целить в сторону семинариста. Он здорово разозлился, и счет теперь пошел на секунды. Все оборвется мгновенно, если враг обнаружит подвох.

Пропажу кинжала.

Стиснув зубы, Книжник пошел ва-банк. Прижатый с обратной стороны левой руки клинок незаметно развернулся в ладони под телом карлика. Правой он все еще продолжал размазывать по лицу слезы вперемешку с соплями. Скрытое телом лезвие кинжала парой рывков вспороло волокна плюща, стянувшего руки пленника. Книжник ощутил, как мгновенно напряглись бугры мышц бесчувственного, казалось, тела. В следующую секунду плющ со свистом сорвался с распрямившегося тела, и семинарист едва успел отскочить в сторону, ощутив спиной хлесткий удар освободившимся живым «шнуром». Только что

неподвижный человек подскочил, как на пружине, и бросился на замешкавшегося от неожиданности лже-Маркитанта.

Бахнул выстрел. Правую щеку как огнем обожгло. Парень, споткнувшись, упал, выронил кинжал. Падение совпало с новым выстрелом – пуля просвистела в сантиметрах над головой. Третья придет гарантированно в затылок – Книжник зажмурился, в готовности принять боль и смерть.

Похоже, его замысел не оправдался. Но торопливо и сухо хлопнули еще три выстрела – а он все еще был жив.

Зато за спиной явственно слышалась какая-то возня и приглушенная ругань. Рывком обернувшись на локтях, он увидел, как мелкий, вроде бы, карлик активно насаждает на поваленного им лже-Маркитанта. Он уже заломил противнику руку, используя висевший у того за спиной автомат в качестве рычага, медленно закручивая тугой ремень. Вряд ли фальшивый торговец радовался сейчас обладанию АК на крепком ремне. Свободной рукой он отчаянно пытался дотянуться до отброшенного в сторону пистолета. Ему даже почти удалось сбросить с себя неожиданного противника – во всяком случае вынырнуть из тугого «автоматного узла».

Книжник чуть ли не на карачках бросился к дерущимся, протягивая кинжал карлику, заорал:

– Держи!

– Не лезь! – не глядя в его сторону, свирепо прорычал карлик.

Последнему снова удалось оседлать врага – и теперь он по-борцовски обхватил его шею, как будто хотел оторвать голову. Книжник готов был поверить и в такой исход – освобожденный им человек был сейчас похож на злобного демона, вырвавшегося из Ада. Лицо его стало багровым, шрамы налились кровью, огромные глаза почти вылезли из орбит – и эти глаза отчего-то производили наиболее отталкивающее впечатление. Всклопоченные рыжие волосы трепыхались над непропорционально крупной головой, как языки пламени. Парень даже усомнился – правильно ли он сделал, что освободил этого типа? Но тут же отогнал трусливую мысль. Ведь он до сих пор жив только потому, что пленник предупредил его об угрозе. Да еще потому, что он сейчас делал за двоих всю грязную работу.

Семинарист бросился в сторону валявшегося пистолета – но нога запуталась в петлях «железного плюща», который, вроде, ожил и пытался то ли отползти в сторону, то ли пустить корни. Книжник снова растянулся на асфальте, и кинжал улетел в сторону дерущихся – прямо в руку фальшивого Маркитанта. Тот судорожно вцепился в рукоять – и, извернувшись, всадил кинжал карлику в бедро. Тот взвыл от боли – и псевдо-Маркитант предпринял еще одну попытку вырваться, попутно выдернув и вонзив кинжал снова.

Явственно хрустнуло – и враг, обмякнув, затих. Видать, карлику удалось-таки свернуть ему шею. Освобожденный пленник, тяжело дыша, поднялся с тела и, шатаясь, принялся топтаться вокруг собственной оси. То ли он не понимал, где находится, то ли его все еще не отпускала ярость смертельной схватки. Недоуменно нащупал кинжал, что продолжал торчать из короткой кривой ноги. С рычанием выдернул, сжал в руке, странно повел головой, глядя куда-то в сторону, как будто не замечая замершего в стороне семинариста. И вдруг пошел на него странной походкой, эдак бочком, прихрамывая, с кинжалом, с которого продолжала сочиться кровь.

Книжник попятился. Случайный союзник производил устрашающее впечатление, и было не понятно, что у него на уме. Окровавленный кинжал в сбитом узловатом кулаке не сулил ничего хорошего.

– Ты чего? – пробормотал Книжник. – Приятель, э-э! Я как бы свой...

Карлик продолжал приближаться, и Книжник уже не в шутку запаниковал, когда жутковатый товарищ по несчастью протянул в его сторону кулак с зажатым в нем кинжалом:

– Возьми. Пригодится.

Поглядев в глаза неожиданного союзника, Книжник ощутил новую волну страха. Он понял, отчего таким странным показался ему взгляд этого человека.

Карлик пялился на его выпученными слепыми бельмами.

Глава четвертая. Врата

Самым разумным в их ситуации было убраться поскорее, пока не нагрянули товарищи убитого. Не сговариваясь, молча и торопливо они обшарили тело, собрав все ценное. Ценного было немного. Лучшим призом любого мародера был бы автомат – но в пылу схватки карлик умудрился согнуть ему ствол. Оружейников поблизости не было, а тащить бесполезный груз было бы себе дороже. Потому автомат бросили. Зато взяли пистолет с запасной обоймой (карлик сразу взял его себе, а Книжник не возражал). Также карлик разжился сигаретами убитого и золотой зажигалкой. Был еще десяток золотых монет, на которые семинарист также не претендовал, отдав их товарищу по несчастью. Ощущать себя мародером было противно, но таковы законы выживания. Не найдя для себя ничего ценного, Книжник сгреб автоматные патроны – около полусотни из двух магазинов. Патроны – всегда ходовая валюта. Впрочем, ему все же достался трофейный кинжал.

Поначалу Книжник не мог взять в толк – зачем слепому огнестрельное оружие? Хотя вопрос стоило задать по-другому: как этот незрячий вообще собирается идти куда-то в одиночку? На закономерный вопрос карлик лишь подбросил в воздух обломок кирпича и, не глядя, пальнул в него из пистолета. Брызги кирпичной крошки, больно кольнувшие в щеку, стали красноречивым ответом.

– Телепат? – предположил Книжник.

– Социопат! – оскалился карлик. – Слух и обоняние – слышал про такое?

– Мутация, – понимающе кивнул Книжник.

– Вот ты себе все и объяснил. Теперь разбегаемся! – деловито сказал карлик.

Он выглядел вполне бодрым, будто не получил пару глубоких ножевых ран. Лишь водил носом, словно принюхиваясь и на основе этого прикидывая, куда направиться дальше.

– Давай хоть познакомимся, – предложил Книжник.

– А зачем? – обратив в его сторону свои страшноватые бельма, отозвался карлик. Его пальцы продолжали мелкими движениями ощупывать трофейный пистолет. – Вот так схватят меня, пытать начнут – а я знать про тебя не знаю. И тебе проблем меньше, и мне тоже.

– Интересный подход, – пробормотал Книжник. – Я-то всегда думал, что одиночкам лучше держаться вместе.

– Спорное утверждение. Я бы, к примеру, предпочел держаться подальше от психа, который вздумал искать Буку.

– Ты что, и разговор подслушал?

– А что мне, связанному, оставалось делать? Да и слух у меня обостренный. Или я уже говорил об этом?

– Говорил. Но почему ты считаешь, что я псих?

– Бука убьет каждого, кто попытается к нему подобраться без его воли, – сообщил карлик. – У него – знаешь какая мощь?

– Знаю, – Книжник пожал плечами. – Правда, за все время, пока мы действовали сообща, Бука ни разу не пытался меня убить. Интересно, почему?

Карлик дернулся, проскрипел:

– Врешь...

– Да нет, не вру, – Книжник покачал головой. – А и с чего ему кого-то убивать? Да, человек он мрачный, если вообще человек. Но чтобы желать кому-то смерти на ровном месте...

Он запнулся, глядя на собеседника. Тот дернулся при последних словах, быстро подковыляв поближе, ухватил парня за ворот, потянул вниз, стараясь приблизить свое лицо к его, будто пристально всматриваясь своими выпученными бельмами. Хотелось заорать, отбрыкиваясь и размахивая руками – но Книжник сдержался.

– А может, и не врешь... – глухо проговорил карлик, отпуская Книжника. Сделал пару шагов в сторону. Резко обернулся. – Ты кто такой? Откуда вообще взялся?

– Книжник, – честно сказал парень. – Прозвище такое. Я кремлевский...

– Княжий советник, – прищурившись, сказал карлик. – Я слышал про тебя. От одного шама.

– Рад этому страшно, – Книжник фыркнул. – Осталось узнать про тебя то же самое.

– А что я? – карлик отвернулся. – Я мелкая сошка. Ну, допустим, кличут меня Чертом.

– Как?!

– Черт. Чертыка для своих. Не Сатана, не Дьявол. Говорю же тебе – я мелкая сошка.

– Но, видимо, страшная... – семинарист скосился в сторону убитого.

– Для кого как, – легко отозвался Черт. – Я вообще-то веселый. Даже мухи не обижу. Если не становиться у меня на пути.

Последняя фраза прозвучала не особо приятно. Карлик прикрыл слепые глаза, процедил:

– Выкладывай все, что знаешь. Про Буку.

– С какой стати? – недоверчиво скривился Книжник. – Буду я откровенничать с первым попавшимся Чертом!

– Откровенность за откровенность, – карлик сделал выразительную паузу. – Скажем, так. Я знаю, где искать твоего Буку.

Смех сам вырвался изо рта Книжника. Это было больше похоже на истерику, чем на веселье, и он силой заставил себя прекратить. Произнес:

– И ты туда же – лапшу мне на уши вешать? Может, сразу в меня пальнешь? Чтобы не тянуть, как эти липовые Маркитанты?

Карлик поглядел на него с сожалением, криво усмехнулся и уселся на камень, растирая руки и ноги. Похоже, они все еще болели от тугих петель «железного плюща», да и от ударов кинжалом. Поразительно, как это он справился с куда более крупным противником голыми руками – после стольких-то часов неподвижности. Поинтересовался:

– А ты спроси, зачем я этим сволочам был нужен? Почему тебя грохнуть хотели, а меня так бережно тащили на эту сторону? Думаешь, заботились, чтобы я, чего доброго, не утомился в дороге?

Книжник пожал плечами:

– А какое мне до этого дело?

– А ты предположи. Исходя из всего, что сейчас было.

Книжник задумался и недоверчиво проговорил:

– Тебе что-то известно про Буку такое, чего эти типы не знали? Допросить, небось, хотели?

– Бинго! – Карлик торжественно поднял грязный указательный палец.

– А ты, значит, говорить не хотел?

– А куда бы я делся? – Черт фыркнул. – Поднажали бы, как следует, – все бы выложил. Только моей болтовни мало. Им проводник нужен.

– А ты, стало быть, проводник?

– Проводник, не проводник – а путь знаю.

Книжник не удержался – и расхохотался. Карлик обиженно насупился:

– Чего ржешь, будто грибов объелся?

– Да как не смеяться? Слепой проводник – это дорогого стоит!

Семинарист запнулся, вспомнив, как этот незрячий ловко подстрелил кирпич. Сказал примирительно:

– Прости. Это я от неожиданности. Ты правда знаешь дорогу к Буке?

– Знаю. И для этого не надо быть зрячим. Более того – зрение лишь мешает.

– Это как?

– Тебе не понять. Для этого надо быть таким с рождения, – Черт ткнул себя в грудь узловатым большим пальцем. – Да тебе и незачем. Для того и проводник, чтобы следовать за ним не раздумывая.

– Но зачем тебе это надо? Откуда такая внезапная благотворительность?

– Ты слишком подозрительный для своего возраста. Я в твои годы был решительнее, и слепота не была мне препятствием.

– Если ты заметил, меня только что хотели убить за излишнюю любознательность, так что я предпочитаю никому не верить.

– Это правильно. Но тут вот какое дело. Тебе нужно к Буке, мне нужно к Буке. Всем нужно к Буке. А из нас двоих дорогу знаю лишь я. Как тебе задачка?

– Просто ажиотаж какой-то. Даже не знаю, зачем тебе еще один конкурент?

– Конкурент мне не нужен. Партнер – другое дело.

– Ну-ну.

– Я предлагаю сделку. Я знаю, где Бука, ты знаешь Буку. Так?

– Допустим.

– Я тебя приведу к нему, а ты замолвишь за меня словечко.

– Перед Букой?

– Перед ним. Устроишь мне личную встречу.

Книжник пожал плечами, хмыкнул. Что-то его смутило в этом разговоре.

– погоди, – сказал он. – А что не так с Букой, что личную встречу устраивать по знакомству надо? К нему теперь на кривой козе не подъедешь?

– На чем не подъедешь? – не понял карлик.

– Выражение такое. Почему к нему не подойти просто со своей проблемой?

Черт глухо рассмеялся:

– Да полно, знаком ли ты вообще с Букой? Или, может, это другой какой-нибудь Бука?

Книжник растерянно промолчал. Такой вариант он упустил из виду. Хотя вероятность того, что по Москве бродят сразу двое по имени Бука со сверхспособностями, была не слишком высока.

– Думаю, тот самый, – сказал Книжник. – Шут его знает, может, у него действительно настроение не то или характер испортился...

– Тогда очень сильно испортился, – туманно сообщил Черт. – Ты сам все увидишь. Если мы договорились, конечно.

– Ну, допустим, – Книжник в сомнении прикусил губу, пытаясь нащупать слабинку в доводах собеседника. – А зачем тебе к Буке?

– Угадай.

Карлик выкатил свои отвратительные бельма, и дальнейших объяснений не потребовалось.

– Ты хочешь обрести зрение... Послушай, но Бука не Гудвин, он не исполняет желания, не дарит крылья, не воскрешает из мертвых...

– Если бы ты так думал, то не искал бы с ним встречи, – холодно, с металлическими нотками произнес карлик.

И Книжник сдался:

– Хорошо. Я договорюсь о встрече. Бука примет тебя.

Будь у него выбор, Книжник хорошенько бы взвесил все «за» и «против» сделки с первым встречным. Но альтернативы не было. Да и вообще, он давно уже пришел к принципу, парадоксальному для этого коварного мира: всегда, когда это возможно, доверять людям, предполагая в незнакомце не врага, а друга. Как ни странно, это работало. Во всяком случае, он до сих пор жив.

Ударили по рукам – и быстро удалились с места недавней схватки.

– Так кто они вообще такие? Зачем Маркитантами притворяются?

Они брели неведомым, заваленным мусором переулком, то и дело перебираясь через груды хлама и кучи битого кирпича вперемешку с цементной пылью. Новый спутник, если и был проводником, то проводником весьма странным. Он выбрал настолько запутанный маршрут, что уже через час Книжник отчаялся сообразить, где находится. Может быть, этого Черт и добивался, запутывая следы. Правда, утверждал, что по-другому никак – они обходят многочисленные ловушки, которых здесь просто россыпь. С последним Книжник не стал бы спорить: он сам видел, как паривший над головой рукокрыл вдруг завис в воздухе самым невероятным образом, задергался, пытаясь вырваться, как насекомое, увязшее в патоке. Краем глаза заметил еще несколько черных пятнышек в отдалении – похоже, эта тварь не первой попала в невидимую небесную западню. Что это было – еще одна разновидность Поля Смерти, какая-то аномалия или сеть неведомого хищника, – он так и не узнал. Прижав палец к губам, проводник увлек его дальше – петлять по опасным развалинам.

А может, слепой проводник двигался лишь по одному ему понятным ориентирам – запахам, звукам, мир которых обычный человек и представить себе не мог. И там, в этом неведомом измерении, и расстояния другие, и само время течет по-другому. Как было на самом деле, семинарист не знал, и оставалось лишь сжимать зубы от усталости, да ворчать, спотыкаясь о камни: «Чтоб тебя дампы забрали, Сусанин хренов!» Что характерно, сам проводник двигался куда ловчее, и отсутствие зрения ему ничуть не мешало.

Только вот сейчас его острое ухо как будто не слышало вопрос спутника.

– Так кто они, Маркитанты лживые? – повторил Книжник. Он устал от однообразных серых стен перед глазами и угнетающей тишины.

– Черт их знает, кто они и откуда взялись, – неохотно отозвался карлик. – Говорят, пришлые. Так и зовут – Пришлые и все тут.

– А маскарад этот к чему?

– Ну, как сказать... – Черт остановился и присел на кусок бетона, когда-то закрывавший зияющую сейчас дыру в стене.

Достал трофейные сигареты, оторвал от одной из них половинку, сунул в рот. Вторую предложил спутнику. Книжник отрицательно помотал головой.

– Как хочешь, – Черт аккуратно спрятал в мятую пачку половинку сигареты, шелкнул зажигалкой. Затянулся, блаженно прикрыв бельма. – Они вроде мародеров – убивают и живут за счет убитых. Только в отличие от других бандюков забирают не только оружие, еду, одежду. Они забирают как бы саму личность жертвы.

– Как это?

– Ну, эти трое, видимо, грохнули Маркитантов. Обычные мародеры быстренько собрали бы ценное и смылись. Но Пришлые не такие. Для них убить Маркитантов – значит стать Маркитантами. Не просто напялить их шмотки – а перенять само их место в этом мире. Взять их одежду, манеры, внешность. Сожрать их плоть.

Книжник сглотнул. Видать, не тушенка грелась над огнем в консервной банке. Вспомнил мясной аромат – и его чуть не вывернуло наизнанку. Это, наверное, от голода.

Тушеный Маркитант. С лаврушкой. Бред какой-то...

– Не ляпни ты им про Буку – тебя бы просто провели через Кольцо, взяли золото и отпустили восвояси, – сообщил карлик. – Пришлые хорошо играют свои роли – пока не надоест и не подвернется кандидатура получше.

– А если бы этот липовый Маркитант убил тебя – он стал бы тобой? – иронично поинтересовался Книжник.

И посетовал, что ляпнул что-то обидное для спутника.

– В смысле, злобным рыжим карликом? – спокойно отозвался Черт. – Кто его знает? Возможно. Мне кажется, Пришлые – не совсем люди.

– Муты?

– Может, и муты. А может, вообще искусственные существа. В Последнюю Войну много всякого дерьма на свет божий выпустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.